На правах рукописи

Кальмина Лилия Владимировна

ЕВРЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (середина XIX века – февраль 1917 года)

Специальность 07.00.02 - Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Иркутск
2003

Работа выполнена на кафедре Отечественной истории и политологии Иркутского государственного университета

Научный консультант:
доктор исторических наук, профессор Щербаков Н.Н.

Официальные оппоненты:
доктор исторических наук, профессор Дятлов В.И.
доктор исторических наук, профессор Макарчук С.В.
доктор исторических наук, профессор Черняк Э.И.

Ведущая организация: Красноярский государственный педагогический университет.

Защита состоится 17 июля 2003 г. в 10 час. на заседании диссертационного совета Д 212.074.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук в Иркутском государственном университете по адресу: 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1, ауд. 410.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке Иркутского государственного университета.

Автореферат разослан «15» октября 2003 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
доктор исторических наук, доцент Иванов А.А.

Общая характеристика работы

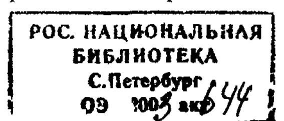
Актуальность темы исследования. История становления Российского государства неразрывно связана с процессами формирования его населения. Россия всегда была одним из самых многонациональных государств мира, поэтому проблема формирования взаимоотношений между людьми с разными культурными традициями и историческими судьбами на отдельных этапах ее истории оставалась для нее актуальной. Безграмотность или нечуткость в решении национального вопроса для многонационального государства чреваты двумя крайностями: либо полным национальным нивелированием, растворением малых народов в господствующей нации, либо уродливыми, воинствующими формами проявления национального «лица», ведущими к затяжным межнациональным конфликтам, и как следствие - к долговременным стереотипам неприятия тех или иных народов и фобиям.

Сегодня, при затянувшемся кризисе, который затронул все стороны жизни нашего общества, в условиях то тут то там разгорающихся локальных этнических конфликтов, при успешных в ряде случаев попытках связать постигшие общество неудачи с конкретным народом, воспитание национальной и религиозной терпимости у его членов стоит особенно остро. Поэтому исторический опыт «строительства» межнациональных отношений любым народом, волею судеб оказавшимся оторванным от основной массы соплеменников и рассеянным в многонациональной и многоконфессиональной стране, трудно переоценить. С этой точки зрения большой интерес, политическую и научную актуальность представляет история еврейского народа.

Политическая актуальность продиктована тем, что, во-первых, в переломные моменты истории при попытке общества ответить на вопрос «кто виноват?» еврейский сюжет почти неизбежно выходит на передний план. Во-вторых, богатейший опыт жизни в качестве диаспоры, которым обладает еврейский народ, представляет большую ценность. Веками существуя в разных странах, в том числе и России, в, казалось бы, разрушительных для любого этноса условиях правового ущемления, государственной неприязни в форме антисемитизма и юдофобской истерии, разжигаемой маргинальными группами, он сумел не только избежать национальной деградации, но, напротив, достигнуть заметных успехов во всех сферах деятельности и оказать влияние на развитие принявших его народов.

Научная актуальность также определяется несколькими факторами. При обширности территории России с ее регионами, существенно отличающимися по уровню экономического и культурного развития, еврейские общины в отдельных областях страны представляют разные. по-

своему уникальные модели происходящих в них этнических процессов, поскольку общеимперские стереотипы, накладываясь на местные особенности, давали неповторимые результаты. В этом смысле весьма интересна Сибирь дореволюционного периода. Край интенсивной колонизации, с одной стороны, ссылки и каторги – с другой, население которого отражало всю пестроту этнического состава, многообразие культур и религий Российской империи, в условиях действовавшего здесь специального «еврейского» законодательства способствовал формированию особой генерации сибирских евреев: русские по языку и привычкам, сибиряки по менталитету, они оставались евреями, считавшими своим долгом заботиться о сохранении национального духа.

Изучение региональной истории евреев дополняет наши представления о прошлом региона в целом: невозможно реконструировать его историю, исключив из сферы научных исследований народ, в значительной степени формировавший его экономическое и социокультурное «лицо».

Историография проблемы. Исследование российской еврейской истории имеет давние традиции. По характеру, объему выпуска, степени объективности и интонации литературы о российском еврейском обществе можно выделить следующие периоды: досоветский, советский и постсоветский.

Вышедшую в течение первого периода литературу условно можно разделить на три группы: философскую, публицистическую и собственно историческую. Русская общественная мысль проявляла большой интерес к еврейскому сюжету. Пожалуй, не было ни одного значительного философа, публициста, писателя, политика, который бы обошел стороной «еврейский вопрос». В философской литературе этого времени явно прослеживаются два противоположных направления в обсуждении причин появления и способов решения «еврейского вопроса». Первое, суть которого сводилась к объяснению притеснения евреев и неприятия их обществом их же собственной обособленностью и нежеланием понять другие народы, представляли Ф.М. Достоевский и В.В. Розанов.[1] Противоположное мнение о нехристианском отношении христиан к иудеям как причине «еврейского вопроса» в России наиболее глубоко было выражено В.С. Соловьевым и впоследствии развито Н.А. Бердяевым.[2] В публицистике столь же четко

---

[1] Достоевский Ф.М. Дневник писателя за 1877 г. Глава вторая, третья. // Полн. собр. соч. : В 30 т. Л., 1983. Т.25. С.74-92; Розанов В.В. Юдаизм. // Тайна Израиля. СПб., 1993. С.105-227.

[2] Соловьев Вл. С. Еврейство и христианский вопрос. // Тайна Израиля. С.31-103; Бердяев Н.А. Христианство и антисемитизм. // Там же. С.325-342.

выделяются монархическое направление, доказывающее невозможность предоставления равенства евреям в православном государстве,[3] и либеральное, настаивающее на немедленном предоставлении такового как необходимого условия национальной и социальной эмансипации, прежде всего, русского народа.[4]

Третья группа – собственно историческая литература, которая освещает различные стороны жизни евреев России: образование, культуру, религиозную жизнь, дает демографическую характеристику.[5] Эти исследования, пусть неравноценные по объему материала и глубине анализа, представляют большой интерес для нынешних историков и предлагают добротную основу для дальнейших разработок.

Особое место в группе еврейских историков этого периода принадлежит Ю. И. Гессену и С. М. Дубнову, основателям двух направлений в истории евреев России. «Внешнее» направление, представителем которого был Ю.И. Гессен, предполагает изучение прежде всего истории взаимоотношений государства и еврейского населения, русского и еврейского обществ, истории антисемитизма. Проанализировав массу документов, Ю. И. Гессен создал целостную картину жизни русских евреев от первых поселений в Киевском княжестве до 90-х годов XIX века. Его работы по правовому положению евреев представляют несомненный интерес для современных исследователей как истории еврейских общин России в целом, так и отдельных ее регионов.[6] С. М. Дубнов был сторонником иного, «внут-

---

[3] Столыпин П.А. Нам нужна новая Россия...// Полное собрание речей в Государственной Думе и Государственном Совете 1906-1911. М., 1991. С.209-219.

[4] Мережковский Д.С. Еврейский вопрос как русский. // Тайна Израиля. С.301-303; Ленин В.И. К еврейским рабочим. // Полн. собр. соч. Т.10. С.266-269; он же. Национализация еврейской школы. // Там же. Т. 23. С. 375-376 и др.

[5] Никитин В. Евреи земледельцы. Историческое, законодательное, административное и бытовое положение колоний со времени их возникновения до наших дней. 1807-1877. СПб., 1877; Брамсон Л. К истории начального образования евреев в России. СПб, 1896; Бруцкус Б. Профессиональный состав еврейского населения в России. СПб., 1908; Марек П. Очерки по истории просвещения евреев в России. М., 1909; Усов М. Евреи в армии. СПб., 1911; Переферкович Н. Религиозные вопросы у современных евреев. СПб., 1911; Чериковер И.М. История Общества для распространения просвещения между евреями в России (культурно-общественные течения в русском еврействе 1863-1913). СПб., 1913; Познер С.В. Евреи в общей школе. СПб., 1914; Цинберг И. История еврейской печати в России. СПб., 1915 и др.

[6] Гессен Ю. Евреи в России. Очерки общественной, правовой и экономической жизни русских евреев. СПб., 1906; он же. Законодательство о жизни евреев в России // Русская мысль Т. Y. М., 1911. С. 82-96; он же. Закон и жизнь. Как создава-

реннего», подхода, предполагавшего изучение еврейской истории как бы изнутри. Центральной темой его исследований стала еврейская община с самоуправлением как доминантным фактором жизни евреев в диаспоре, ее социальное, экономическое и культурное развитие.[7] В своих исследованиях С.М. Дубнов проводит мысль о том, что еврейский народ может и в диаспоре существовать в качестве самобытной культурной нации.

Но в этот чрезвычайно плодотворный для развития еврейской историографии период исследования велись чаще всего безотносительно к региону, тем более сибирскому. Мы можем назвать лишь несколько работ публицистического характера, напечатанных в еврейских периодических изданиях и в журнале «Сибирские вопросы».[8] Посвящены они, главным образом, правовому положению евреев в Сибири. Из этого ряда выбиваются два исследования, не ограничивавшиеся описанием тяжелого положения сибирских евреев и отличавшиеся более широким взглядом на проблему: статья бывшего советника Омского областного правления Т.И. Тихонова «Сибирские евреи, их права и нужды» и книга помощника присяжного поверенного при Санкт-Петербургской Судебной палате Г.А. Белковского «Русское законодательство о евреях в Сибири».[9] Отмечая противоречивость и запутанность «еврейского» законодательства, открывающего простор для мздоимства сибирских чиновников, авторы выступают как общественные деятели, а их исследования получают гражданское звучание.

Жизнь еврейских общин Сибири в этот период получила освещение лишь в двух работах. Брошюра Ю. Островского «Сибирские евреи» – это очерковые заметки, сделанные автором под впечатлением путешествия по Сибири.[10] При всей ее схематичности, отсутствии какого бы то ни было

лись ограничительные законы о жительстве евреев в России. СПб., 1911; он же. История еврейского народа в России. Пг., 1916.

[7] Дубнов С.М. Всеобщая история евреев на основании новейших научных исследований: В 3 кн. СПб., 1904-1906; он же. Евреи в царствование Николая II (1894-1914). Пг., 1922 и др.

[8] Бакштановский Н. О юридическом положении сибирских евреев. // Русский еврей. 1883. № 25; Ф.В. Евреи в Сибири. // Восход. 1887. №9; М-шъ М. О евреях в Сибири. // Восход. 1889. №7-8; М-ъ. Еврейский вопрос в Сибири. // Сибирские вопросы. 1908. №19-20. С. 9-14; Моравский В. К положению евреев в Сибири.// Еврейский мир. 1910. №25-26; Мытарства евреев в Сибири. // Сибирские вопросы. 1911. № 22-23. С.63-68; Нейман И. Как прикрепили сибирских евреев к местам их приписки (1885-1893). // Еврейская старина. 1915. Вып. III-IY. С.381-385.

[9] Тихонов Т.И. Сибирские евреи, их права и нужды. // Сибирские вопросы. 1905. №1. С.278-309; Белковский Г.А. Русское законодательство о евреях в Сибири. Спб., 1905.

[10] Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911.

статистического материала и приблизительных, «на глазок», оценках она представляет большой интерес для дальнейшего изучения жизни сибирских евреев. Работа В. Войтинского и А. Горнштейна «Евреи в Иркутске»[11] - единственное в дореволюционной историографии полноценное историческое исследование по сибирской еврейской истории, охватившее все стороны жизни одной из крупнейших общин Сибири и давшее яркую характеристику сибирскому еврейству как явлению. При том, что авторы оказались идеологически несвободны и излишне эмоциональны в оценке общественной деятельности Иркутской общины, богатый фактический материал, статистические сведения, приведенные в работе уникальные, ныне уже утерянные документы придают ей большую научную ценность. А заданная авторами схема и по сей день может служить моделью изучения сибирской еврейской общины, что особенно важно при утрате заложенных С. М. Дубновым традиций исследования «внутренней» истории общины.

Во втором периоде, начало которому было положено в 1917 году, выделяются три этапа: 1917 год – середина 20-х годов, вторая половина 20-х годов, 30-е – начало 90-х годов XX века.

Первый этап был весьма плодотворен для развития российской еврейской историографии. Еще не идеологизированная историография с ее признанным лидером Петербургской школой получила «второе дыхание»: были созданы специальные комиссии для архивной работы, в распоряжении которых оказались прежде не доступные источники, издавались и переиздавались работы Ю.И. Гессена и С. М. Дубнова. Однако во второй половине 20-х годов усилилось противостояние двух научных школ - традиционной школы «буржуазной академической науки» и новой школы «пролетарской» еврейской науки, - которое перевело исследования из области науки в область идеологии.[12] В результате Ленинградская еврейская историческая школа была разгромлена как «отстраненная от культурной революции». Исследования по еврейской тематике продолжаются, но переходят в совсем иную плоскость. Акцент делается на изучении еврейского рабочего движения. Диапазон оценок мигрирует от признания весомого вклада евреев в революционное движение в России до мощной пропагандистской атаки на сторонников экстерриториальной еврейской культурно-

[11] Войтинский В, Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915.

[12] Лукин В. К столетию образования Петербургской научной школы еврейской истории. // История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. СПб., 1993. С. 22.

национальной автономии.[13] По сравнению с предшествующим этот период не представил сколько-нибудь серьезных исследований по теме.

Если этот этап можно считать началом кризиса российской еврейской историографии, то следующий - 30-е – начало 90-х годов - периодом ее полного застоя. В течение более чем полстолетия изучение истории русского еврейства было в СССР невозможно из-за прекращения существования главного предмета исследования: еврейской общественной жизни. Какие бы то ни было архивные материалы, касавшиеся истории евреев, стали недоступными: в подавляющем большинстве в конце 40-х - начале 50-х годов они были засекречены независимо от содержания и периода, к которому относились.

С 90-х годов XX века начинается «эпоха Возрождения» российской еврейской историографии. На смену идеологическому подходу пришло глубокое и серьезное желание исследователей дать возможно более точную картину жизни еврейского народа в России. Объективно этому способствовали демократические преобразования, пробудившие национальное самосознание народов бывшего СССР и возродившие интерес к национальной истории, языку, культуре.

Честь возрождения исторических традиций в изучении еврейской истории принадлежит Москве и Санкт-Петербургу. Созданные там Еврейские университеты стали крупнейшими научно-исследовательскими центрами, изучающими всю палитру проблем истории и культуры еврейского народа. Столичные историки оказали большую помощь региональным исследователям публикацией и систематизацией уникальных документов, изданием справочников и составлением историографических обзоров отечественной и зарубежной литературы по истории российских евреев.[14] Пе-

---

[13] Рафес М. Очерки по истории Бунда. М., 1923; он же. Очерки истории еврейского рабочего движения. М.-Л., 1929; Бухбиндер Н.А. История еврейского рабочего движения в России. По неизданным архивным материалам. Л., 1925; Агурский С. Еврейский рабочий в коммунистическом движении. Минск, 1926 и др.

[14] История евреев в России. Проблемы источниковедения и историографии. / Сб. научных трудов под ред. Д.А. Эльяшевича. СПб, 1993; Евреи в России. Историографические очерки. 2-я половина XIX века – XX век. М., 1994; Литература о евреях на русском языке, 1890-1947. Библиографический указатель. /Сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич. СПб, 1995; Локшин А.Е. История евреев в России конца XYII – начала XX веков в современной зарубежной историографии. // Евреи в России. История и культура. Труды по иудаике. Вып. 5. СПб., 1998. С.15-37; Евреи и русская революция. Материалы и исследования. / Редактор-составитель О.В. Будницкий. М.- Иерусалим, 1999 и др.

реиздаются работы видных российских историков еврейства Ю.И. Гессена и С.М. Дубнова.[15]

Событием стал выход в свет труда А.И. Солженицына «Двести лет вместе».[16] И хотя автор не представил ранее не известных источников, позволяющих открыть новые страницы российской еврейской истории, и не воспользовался последними исследованиями отечественных историков, оставшись в плену давно сложившихся стереотипов, его заслуга - в решительном шаге к диалогу двух народов, а его труд представляет большой интерес для познания личности самого автора.

Стремительное развитие еврейской историографии в Москве и Санкт-Петербурге в значительной степени способствовало активизации региональных исследований, где «еврейская» тема в последние годы приобрела самостоятельное развитие.[17]

Особенно мощный импульс за последнее десятилетие получила сибирская еврейская историческая наука. Пионером разработки еврейской темы в Сибири стала Иркутская историческая школа. В двух выпусках «Сибирского еврейского сборника», материалах международных научно-практических конференций отражены разнообразные аспекты жизни сибирских евреев.[18] Идеи С.М. Дубнова о возможности полноценной «еврейской» жизни в диаспоре были подхвачены и развиты сибирскими историками в журнале «Диаспоры».[19]

---

[15] Гессен Ю. История еврейского народа в России. М. – Иерусалим, 1993; Дубнов С.М. Краткая история евреев. Ростов-на –Дону, 1997; он же. Новейшая история еврейского народа: В 3 кн. М., 2002.

[16] Солженицын А.И. Двести лет вместе. М., 2001-2002.

[17] Каган И.И. Очерк истории евреев Оренбуржья в XIX- начале XX вв. Оренбург, 1996; Иоффе Э.Г. Страницы истории евреев Беларуси. Краткий научно-популярный очерк. Минск, 1997; Шкурко Э.А. Очерки истории евреев Башкортостана. Уфа, 1999; Акиньшин А.Н. Еврейская община в Воронежской губернии во второй половине XIX-XX веках. // Исторические записки. 2001. Вып. 7. С.22-44; Иванов Ю.А. Документы о положении евреев в Шуйском уезде Владимирской губернии. // Отечественные архивы. 2001. № 6. С.17-23 и др.

[18] Сибирский еврейский сборник. №1. Иркутск, 1992; Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996; Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 октября 1994 г. Иркутск, 1994; Россия и Восток: взгляд из Сибири. Материалы и тезисы докладов к XI международной научно-практической конференции. Иркутск, 1998.

[19] Мучник Ю. Религиозная жизнь сибирских евреев в XIX столетии (по материалам Томской губернии). // Диаспоры. 1999. №1. С.58-76; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: наброски к портрету.// Там же. С.77-103; Гончаров Ю. Ев-

Дальнейшему развитию сибирской еврейской историографии способствовала организаторская и издательская деятельность благотворительного комитета «Джойнт», при поддержке которого состоялись четыре региональные научно-практические конференции «История евреев Сибири и Дальнего Востока» (в Томске в 2000-м году; Иркутске в 2001-ом, Улан-Удэ в 2002 -ом и Биробиджане в 2003-ем). Работы, изданные в последние годы при его поддержке, отличаются глубиной исследований, тематическим и жанровым разнообразием.[20]

Сложившийся «банк данных» по еврейской тематике послужил предпосылкой для углубления изучения истории евреев. Новым этапом в современной сибирской еврейской историографии можно считать переход от разработки отдельных еврейских сюжетов к монографическим исследованиям по истории отдельных общин региона в дореволюционный период и жизни еврейской диаспоры в переломные моменты советской истории.[21] Таким образом, можно говорить о сложившейся историографической базе, необходимой как для углубления изучения отдельных вопросов истории сибирских общин, так и для комплексного исследования сибирской еврейской жизни.

Серьезная историографическая основа по различным аспектам сибирской истории, без использования которой невозможно исследование

рейское купечество Западной Сибири во второй половине XIX - начале XX вв.// Диаспоры. 2000. №3. С.155-172.

[20] Евреи в Сибири. Сб. статей. / Под ред. Э.И. Черняка и Я.М. Кофмана. Томск, 2000; Очерки истории еврейских общин Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.)/ Сб. под ред В.И. Дятлова и Я М. Кофмана. Красноярск, 2001; Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Библиографический указатель отечественной литературы / Сост. Л.В. Кальмина, Л.В. Курас. Красноярск, 2001; Звягин С.П. Министр юстиции Г.Б. Патушинский. Красноярск, 2001; Страницы истории евреев Сибири в XIX -- XX веках. Сб. статей. Красноярск, 2003 и др.

[21] Гройсман А. Евреи в Якутии. Ч.1. Община. Якутск, 1995; Ч.2. После революции. Якутск, 1999; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века -- февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999; Романова В.В. Евреи на Дальнем Востоке России (II пол. XIX в. - I четв. XX в.). Хабаровск, 2000; она же. Власть и евреи на Дальнем Востоке России: история взаимоотношений (вторая половина XIX в -- 20-е годы XX в.) Красноярск, 2001; Рабинович В. Евреи дореволюционного Иркутска: меняющееся меньшинство в меняющемся обществе. Красноярск, 2002; Кальмина Л. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века – 1917 год). Красноярск, 2002; Нам И.В., Наумова Н.И. Еврейская диаспора Сибири в условиях смены политических режимов (март 1917 – февраль 1920 гг.). Красноярск, 2003; Генина Е.С. Кампания по борьбе с космополитизмом в Кузбассе (конец 1940-х – начало 1950-х гг.). Красноярск, 2003.

региональной еврейской истории, создана учеными в советское и постсоветское время. В их работах нашли отражение как общие проблемы истории региона,[22] так и отдельные ее аспекты.[23] И хотя исследуемая тема не получила там даже схематичного освещения, эти работы позволяют воссоздать исторический фон и настроение того времени, в контексте которых проходила жизнь еврейских общин региона.

В данном исследовании использована также зарубежная литература по еврейской тематике. В отличие от российской еврейской историографии, которая в советское время практически не развивалась, зарубежная в 60-80-е годы XX века существенно продвинулась вперед. В это время опубликованы серьезные научные исследования, сформировавшие новые подходы в рассмотрении роли евреев в российском обществе.[24] Однако работы зарубежных историков практически не касаются исследуемого региона.

При наличии серьезных отечественных исследований по истории сибирского еврейства до сих пор слабо исследована «внутренняя» история еврейских общин. Особенности и тенденции внутриобщинной жизни, которая делала евреев собственно евреями, воспитывала в них национальное самосознание и объединяла как этническую общность, пока остаются «за

---

[22] Очерки истории Сибири. Т.1. и 2. Иркутск, 1970-1974; Города Сибири: эпоха феодализма и капитализма. / Под ред. О.Н. Вилкова. Новосибирск, 1978; Петров П. Города Якутии 1861-1917 гг. Социально-экономический очерк истории. Якутск, 1990; История Бурятии в вопросах и ответах. Вып. 1-3. Улан-Удэ, 1991-1992; Красноярский край в истории Отечества. Кн. 1 (1890-1917). Красноярск, 1996; Степанов А.П. Енисейская губерния. Красноярск, 1997; Гоголев А. И. История Якутии (обзор исторических событий до начала XX в.). Якутск, 1999; Иркутск в панораме веков. / Сб. под ред. Л.М. Дамешека Иркутск, 2003 и др.

[23] Асалханов И.А. Социально-экономическое развитие Юго-Восточной Сибири во второй половине XIX в. Улан-Удэ, 1963; Щербаков Н.Н. Влияние ссыльных пролетарских революционеров на культурную жизнь Сибири. Иркутск. 1984; Дамешек Л.М. Внутренняя политика царизма и народы Сибири (XIX – начало XX вв.) Иркутск, 1986; Хроленок С.Ф. Золотопромышленность Сибири (1832-1917). Историко-экономический очерк. Иркутск, 1990; Бердников Л.П. Вся Красноярская власть. Очерки истории местного управления и самоуправления. 1822-1916. Красноярск, 1995; Казарян П.Л. Якутия в системе политической ссылки России 1826-1917 гг Якутск, 1998 и др.

[24] Rogger H. The Jewish Policy of Late Tsarism: a Reappraisal. // Wiener Library Bulletin. 25 (1971). P. 42-51; Baron S.W. The Russian Jews under Tsars and Soviets. New York, 1976; Stanislavski M. Tsar Nicolas I and the Jews. The Transformation of Jewish Society in Russia. 1825-1855. The Jewish Publication Society of America. Philadelphia, 1983; Pinkus B. The Jews of the Soviet Union, Cambridge University Press, 1988.

кадром». Историки обращаются к ней, как правило, лишь в контексте исследуемых проблем. Виной тому – малочисленность и плохая сохранность источников, позволяющих реконструировать повседневную жизнь общины, и утрата заложенных С. М. Дубновым традиций в исследовании «внутренней» истории евреев. К тому же история сибирских общин пока восстанавливается в отдельных областях или городах автономно, без попытки проследить общие для большого региона тенденции развития, региональные особенности, культурные и религиозные связи. На наш взгляд, необходимость расширения территориальных рамок и перехода от изучения истории еврейских общин в отдельных областях к их обобщающему исследованию уже назрела.

Исходя из этого, целью диссертационной работы является комплексное исследование истории общин как саморазвивающихся организмов на территории Восточной Сибири в дореволюционный период. Для ее реализации определяются следующие задачи:

- систематизировать сибирское «еврейское» законодательство, регламентировавшее въезд евреев в Сибирь и жизнь в Сибири, и проследить в эволюции его влияние на все стороны жизни сибирского еврейского общества;
- показать в сравнении пути и тенденции формирования еврейских общин на территории восточносибирского региона в контексте российского законодательства по еврейскому вопросу; дать их количественную и качественную характеристику; проследить особенности формирования и развития еврейской семьи как структурной единицы еврейской общины;
- проанализировать хозяйственную жизнь еврейских общин Восточной Сибири, процесс формирования структуры «еврейской экономики» региона; раскрыть объективные и субъективные факторы, этапы и особенности ее развития;
- проследить динамику образовательного уровня сибирских евреев, процессы формирования общинной интеллигенции, ее роли в развитии общинной жизни;
- раскрыть роль общественной активности общин в интеграции евреев в сибирскую жизнь, показать направления и тенденции ее развития;
- исследовать закономерности внутриобщинной жизни евреев Восточной Сибири, проследить процесс формирования внутриобщинных институтов и его особенности в разных общинах региона; показать влияние внутриобщинной жизни на сохранение национального «лица», проанализировать роль религии, еврейских бла-

готворительных и просветительских учреждений в сохранении этнической целостности и национальной самоидентификации сибирских евреев.

Объект исследования - еврейские общины Восточной Сибири, то есть общности людей, сложившиеся по принципу исповедания иудейской религии.

Предметом исследования являются все стороны жизни еврейских общин в их взаимосвязи - экономическая, общественная, культурно-просветительская, религиозная, - которые были санкционированы общиной и объективно играли на ее экономическую состоятельность, общественный авторитет и внутреннюю эволюцию.

Хронологические рамки исследования охватывают период с середины XIX века до февральской революции 1917 года - один из наиболее сложных периодов отечественной истории, за который Российская империя прошла путь от реформ, положивших начало капиталистическому развитию, до его высшей стадии. В это время Сибирь становится объектом усиленной колонизации, влекущей за собой изменение процесса ее социально-экономического развития и массовых миграций населения. В исследовании обозначенной темы эти даты имеют и свой специфический смысл: 50-60-е годы XIX века - время формирования еврейских общин на территории исследуемого региона. Февраль 1917 года, принесший представителям всех национальных меньшинств бывшей Российской империи освобождение от унижающих их национальное достоинство запретов, избавил еврейский народ от главного дискриминирующего фактора - черты оседлости, после чего его жизнь претерпела коренные изменения и пошла в совершенно ином русле.

Территориальные рамки исследования охватывают Восточную Сибирь в административных границах Иркутского генерал-губернаторства: Иркутская и Енисейская губернии, Забайкальская и Якутская области. (Забайкальская область в период ее административной принадлежности Приамурскому генерал-губернаторству остается в поле нашего зрения не только как географически относящаяся к Восточной Сибири, но и как по экономическому и социальному развитию, а следовательно, и течению «еврейской» жизни более близкая к ней, нежели к Дальнему Востоку). Статус и социально-экономические особенности региона наложили свой отпечаток на процесс формирования здесь еврейских общин.

Методологической основой исследования являются принципы историзма и научной объективности, которые предполагают взгляд на проблему со всех сторон, изучение всех позиций по данному вопросу и позволяют видеть исторические процессы в их реальном развитии и взаимосвязи

с другими историческими явлениями. Данные принципы потребовали рассмотрения еврейских общин как целостных организмов, развивающихся не только по своим внутренним законам, но и в экономическом и культурном взаимодействии со всеми народами региона. Согласно принципу историзма автор рассматривает историю сибирских евреев как часть истории евреев России, а также в контексте процессов, происходящих в сибирском регионе и государстве в целом.

В работе также применялись специальные методы, характерные для исторического исследования: ретроспективный и сравнительно-исторический. Ретроспективный предполагает движение мысли исследователя к прошлому для более глубокого осмысления процессов, уходящих корнями в далекие времена. Сравнительно-исторический метод дает возможность изучать и сравнивать процессы, протекающие в этот же период в других регионах. Стержнем исследования является сравнительный анализ экономической, общественной, культурной и религиозной жизни евреев в черте оседлости и исследуемом регионе, значительно отличающихся друг от друга по статусу, уровню социально-экономического развития, менталитету общества. Результатом использования статистического метода стали таблицы, дающие представления о динамике роста еврейского населения, его расселении, вкладе в экономическое развитие региона, образовательном уровне и т.д.

Источниковую базу диссертации составили как неопубликованные архивные документы, так и опубликованные материалы, которые можно разделить на несколько групп: законодательные акты, официальные отчеты и переписка, источники личного происхождения (дневники, воспоминания, путевые заметки) и периодические издания. Основным источником исследования послужили документы центральных и региональных российских архивов. При их классификации автор придерживается традиционной схемы Дубнова - Гинзбурга, которой пользуются как российские, так и зарубежные исследователи истории еврейского народа: источники по истории правовых, экономических и культурных отношений еврейской общины с государством и обществом («внешняя» группа) и документы, раскрывающие законы внутриобщинной жизни («внутренняя» группа).

К документам первой группы относятся царские манифесты, положения Комитета Министров, разъяснения Правительствующего Сената, циркулярные письма министерств и ведомств, переписка Иркутского генерал-губернатора и сибирских губернаторов, отчеты городских управ, старост, волостных старшин и т.д. Материалы, характеризующие правовое положение сибирских евреев, отложились в фондах Российского Государственного исторического архива (РГИА, Санкт-Петербург). Это документы

фондов 1149 (Департамент законов Государственного Совета), 1264 и 1265 (Первый и Второй Сибирские Комитеты). В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ, Москва) в фонде 102 (Департамент полиции МВД) удалось почерпнуть сведения о политических настроениях, экономической роли евреев в Сибири. Материалы о военнослужащих евреях сосредоточены в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА, Москва). В фондах 1447 (Штаб Восточно-Сибирского военного округа) и 1468 (Штаб Иркутского военного округа) отложились послужные списки сибирских евреев-военнослужащих, документы об их правовом положении.

Важнейшие материалы по исследуемой проблеме сосредоточены в сибирских архивах: Государственном архиве Иркутской области (ГАИО), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК), Государственном архиве Читинской области (ГАЧО), Национальном архиве Республики Бурятия (НАРБ), Национальном архиве Республики Саха (Якутия) (НАРС(Я). Значительный объем источников, характеризующих правовое положение евреев, имеется в ГАИО в фондах 24 (Главное управление Восточной Сибири) и 25 (Канцелярия Иркутского генерал-губернатора) и в фондах областных и губернских правлений: в ГАКК в фонде 595 (Енисейское губернское правление), в ГАИО в фонде 32 (Иркутское губернское правление), в ГАЧО в фонде 1(о) (Забайкальское областное правление) и в НАРС(Я) в фонде 12-и (Якутское областное правление). Документы позволяют составить достаточно полное представление о политике сибирской администрации в «еврейском вопросе» и местных особенностях ее проведения. Степень их сохранности достаточно высока.

Статистические сведения о численности евреев в разных населенных пунктах, их прошения о выезде за пределы места приписки, отчеты о ходе кампаний по их выселению из мест незаконного проживания содержатся в фондах полицейских управлений: в ГАИО в фондах 91 (Иркутское городское полицейское управление) и 90 (Иркутское уездное полицейское управление), в НАРБ в фондах 337 (Верхнеудинское уездное полицейское управление) и 123 (Баргузинское уездное полицейское управление), в НАРС(Я) в фонде 15-и (Якутское окружное полицейское управление) и 20-и (Олекминское окружное полицейское управление).

Документы, характеризующие экономическое положение евреев – прошения на получение торговых свидетельств, заявки на открытие промышленных предприятий, списки владельцев недвижимости с описанием жилья и указанием его стоимости, списки обладателей гильдейских свидетельств – содержатся в фондах городских дум, управ и казенных палат: в ГАИО в фонде 70 (Иркутская городская дума), в НАРБ в фонде 10 (Верх-

неудинская городская управа), в ГАКК в фонде 161 (Красноярская городская управа) и 160 (Енисейская губернская казенная палата), в ГАЧО в фонде 94 (Читинская городская управа), в НАРС(Я) в фонде 165-и (Якутская городская управа).

Вторая группа источников - «внутренние» документы общин, которые позволяют реконструировать их повседневную жизнь: протоколы заседаний духовных и хозяйственных правлений, приходно-расходные документы, метрические книги, письма, мемуары, религиозная литература, фотографии. Эта группа источников отличается крайней скудостью. Годами они никем не систематизировались и не анализировались. Многие из них бесследно исчезли, а те, что удалось сохранить, представляют собой бессистемную «россыпь» в различных фондах сибирских архивов.

Компактные коллекции документов «внутренней» группы имеются в РГИА в фонде 821 (Департамент Духовных дел иностранных исповеданий), в котором отложились прошения об открытии в сибирских населенных пунктах молельных домов, религиозных школ и других общинных организаций. Во всех названных сибирских архивах имеются лишь четыре чисто «еврейских» фонда с компактным содержанием вышеуказанных документов: в Национальном архиве Республики Бурятия фонды 196 (Верхнеудинская) и 385 (Баргузинская) еврейские общины и в Государственном архиве Иркутской области фонды 789 (Архивная коллекция метрических книг Иркутской синагоги) и 417 (Канцелярия Иркутского раввина). В фонде 196 содержатся протоколы хозяйственного правления Верхнеудинской общины за 1908-1918 годы и протоколы общих собраний общинников с 1908 по 1917 годы, журнал исходящих бумаг Верхнеудинского общества раввина и метрические книги с 1885 по 1907 годы. Фонд 385 содержит протоколы хозяйственного правления Баргузинской общины с 1906 по 1916 годы протоколы общих собраний за 1917-1920 годы. Фонд 789 Иркутского архива, как уже ясно из его названия, содержит метрические книги Иркутской еврейской общины за 1878–1920 (с некоторыми пропусками) годы. Большой интерес представляют документы фонда Канцелярии Иркутского раввина, которые содержат в себе переписку раввина Соломона Бейлина, протоколы заседаний Иркутского отделения Общества распространения просвещения между евреями (ОПЕ), сведения о бюджете Иркутского еврейского училища, правила, установленные правлением Иркутского еврейского молитвенного дома, и другие документы. Коллекция метрических книг Читинской, частично Нерчинской и Сретенской общин сосредоточена в ГАЧО в фонде 282 (Иркутская духовная консистория). Единичные документы «внутренней» группы – протоколы заседаний духовных правлений Иркутской еврейской общины и метрические книги Краснояр-

ской еврейской общины - обнаружены автором в ГАИО в фонде 70 (Иркутская городская дума) и в ГАКК в фонде 595 (Енисейское губернское правление). Эти материалы дают возможность в значительной степени восстановить внутриобщинную историю, процесс формирования институтов общинного самоуправления и религиозную жизнь евреев региона.

Кроме архивных документов в работе использован широкий круг опубликованных источников. Важнейшее значение имеют документы, дающие возможность проследить эволюцию «еврейского» законодательства в России: Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ), Свод законов Российской империи. Особую ценность для исследователя представляют те издания, где законодательные акты не только публикуются, но и комментируются, что позволяет наглядно увидеть их противоречия.[25] Известные исследователи и комментаторы законов В. Леванда, И. Оршанский, М. Мыш положили начало отдельному направлению в истории еврейских общин - изучению многочисленных законодательных актов, регламентировавших их жизнь, что представляет интерес не только для историков, но и юристов.

Во второй группе опубликованных источников особое значение имеют материалы Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 года. Дополненные статистическими материалами и отчетами органов власти разных уровней, они дают достаточно полный статистический анализ жизни евреев исследуемого региона. Большой интерес в этой группе источников представляют ежегодные отчеты Иркутских генерал-губернаторов, в которых положение евреев в Сибири выделялось в отдельный блок. При строго официальной форме отчетности эти документы, тем не менее, несут на себе отпечаток личности их авторов и их представлений о решении «еврейского вопроса» в регионе.

Официальные источники дополняются источниками личного характера- воспоминаниями, личными впечатлениями, - которые, накладываясь на цифры отчетов и обзоров, дают более полную и живую картину жизни исследуемого региона. Среди них есть как тяготеющие к справочным изданиям этнолого-географические описания, так и воспоминания бо-

---

[25] Леванда В. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения Алексея Михайловича до настоящего времени, 1649-1873. СПб., 1874; Оршанский И. Русское законодательство о евреях. СПб., 1877; Левин Э.Б. Сборник ограничительных законов и постановлений о евреях по 1 июля 1902 года. СПб., 1902; Мыш М.И. Руководство к русским законам о евреях. СПб., 1904; Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб., 1906; Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сената и Центральных правительственных установлений.: В 2 т. СПб., 1914-1915. и др.

лее личностные, приближающиеся к психологическому очерку.[26] Значительный интерес для понимания позиции власти в «еврейском вопросе» представляют воспоминания С.Ю. Витте, В.Н. Коковцова, А. Симановича.[27] Особняком стоят воспоминания представителей еврейской интеллигенции с их взглядом на еврейскую жизнь «изнутри». Большую ценность для понимания обстановки, в которой проходило становление сибирских общин, представляют воспоминания представителя одной из наиболее видных сибирских еврейских семей Моисея Новомейского [28] - замечательный очерк сибирской еврейской жизни во всем ее многообразии.

Значительную роль в исследовании сыграли материалы периодической печати - газет «Иркутские губернские ведомости», «Енисейские губернские ведомости», «Забайкальские областные ведомости», «Сибирь», «Восточное обозрение», «Забайкальская новь», «Верхнеудинский листок», «Якутская окраина». Среди них по качеству публикаций и остроте поднимаемых вопросов особое место принадлежит газете «Восточное обозрение». Еврейская тема на ее страницах обсуждалась достаточно активно и смело. Правовое положение сибирских евреев было постоянной темой публикаций журнала «Сибирские вопросы». Многие интересные сведения безотносительно к региону удалось почерпнуть из журналов «Еврейская старина», «Восход», «Еврейская жизнь».

Весь комплекс источников дает возможность решить поставленные в диссертации задачи реконструкции истории еврейских общин Восточной Сибири во всем ее многообразии в указанных хронологических рамках: от начала их формирования в середине XIX века до 1917 года, когда отмена черты оседлости коренным образом изменила их жизнь.

Научная новизна работы заключается в том, что это первое комплексное исследование истории еврейских общин на территории Восточной Сибири. Впервые проводится сравнительный анализ процессов формирования общин и динамики их численности в регионе, особенностей их экономической, общественной и культурной жизни. На основе впервые вводимых в научный оборот документов анализируется социальный, экономический и культурно-психологический статус общин, их взаимоотно-

---

[26] Долгоруков В.Д. Путеводитель по всей Сибири и среднеазиатским владениям России. Томск, 1898; Виноградов А. В дальних краях. Путевые заметки и впечатления. М., 1901; Попов И.И. Забытые иркутские страницы: записки редактора. Иркутск. 1989; Кропоткин П. Дневники разных лет. М., 1992.

[27] Симанович А. Распутин и евреи. Воспоминания личного секретаря Григория Распутина. Ашхабад, 1990; Коковцов В.Н. Из моего прошлого. Воспоминания. Кн 1. 1903-1919 гг. М., 1992; Витте С.Ю. Воспоминания: В 3 т. М. – Таллин. 1994.

[28] Новомейский М. От Байкала до Мертвого моря. Иерусалим, 1979.

шения с органами власти и местным населением, опыт адаптации в новой культурной среде без потери национального «лица».

Автором впервые предпринята попытка систематизации сибирского «еврейского» законодательства, проанализированы его особенности по сравнению с сложившимися общеимперскими стереотипами в еврейском вопросе, научно обоснована целесообразность введения в научный оборот термина «сибирская черта еврейской оседлости».

Впервые в сибирской историографии проведена реконструкция внутриобщинной жизни сибирских евреев. На основе архивных данных в диссертации исследуется хронология и процесс формирования институтов общинного самоуправления, определены особенности внутриобщинных взаимоотношений, показана роль еврейской духовной жизни в сохранении этнической общности, традиций, менталитета сибирского еврейства, исследованы отличительные черты сибирского раввината, показан процесс формирования и развития религиозных, благотворительных и просветительских учреждений, составляющих «духовную территорию» общин.

Научно-практическое значение диссертационного исследования заключается в том, что оно позволяет существенно дополнить уже накопленный исследователями материал по истории российского еврейства и ликвидировать пробелы в исторической судьбе Восточной Сибири. Отдельные сюжеты диссертационного исследования могут быть использованы в учебном процессе, при написании новых научных работ по истории исследуемого региона, создании спецкурсов по истории Восточной Сибири, в краеведческой работе. Большое значение исследование будет иметь для представителей еврейской национальности: оно восстанавливает историческую память, способствует процессу национального возрождения, пробуждению интереса к деятельности своих предков.

Диссертационная работа может послужить основой для дальнейших исследований по истории еврейского населения Восточной Сибири с расширением хронологических рамок и углубленным изучением отдельных аспектов деятельности еврейских общин региона.

Апробация результатов исследования. Положения и выводы, отдельные сюжеты диссертации нашли отражение в публикациях, в докладах и сообщениях на международных, Всероссийских и региональных конференциях в Москве, Томске, Иркутске, Якутске, Улан-Удэ, Биробиджане.

Рецензии на монографии были опубликованы в журнале «Этнографическое обозрение» (2000 г.), газетах «Forverts (2000 г.), «Бурятия» (2001 г.), в межвузовском сборнике статей молодых ученых (Улан-Удэ, 2002), в региональном приложении газеты «Аргументы и факты» – «АиФ в Бурятии» (2003 г.).

Структура и основное содержание диссертации

Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка источников и литературы и приложения.

Во введении обоснованы актуальность, новизна, практическая значимость исследования, определены его хронологические и территориальные рамки, цели и задачи, выявлена степень изученности темы через историографический обзор, дана характеристика источниковой базы.

В первой главе диссертации «Правовое положение евреев Сибири», состоящей из двух параграфов, дан анализ сибирского «еврейского» законодательства, составлявшего правовую основу жизни евреев региона.

Первый параграф посвящен законодательству, регламентировавшему въезд евреев в Сибирь. История сибирского «еврейского» законодательства - это история усилий власти по пресечению въезда и поселения евреев в Сибири при том, что заселение евреями Сибири происходило по инициативе самой власти. Евреи попадали сюда, прежде всего, в качестве «ссыльного элемента»: практика их ссылки в Сибирь существовала еще в XYII веке. Другой путь освоения евреями сибирских земель – земледельческая колонизация – был также инициирован верховной властью: разрешение на отвод земель для поселения евреев в Тобольской губернии и Омской области было подписано Николаем I 20 ноября 1836 года. Однако уже 5 января 1837 года, когда число потенциальных сибирских иммигрантов превысило все предполагаемые расчеты, переселение евреев в Сибирь было приостановлено, а 15 мая этого же года в соответствии с мерами «против переселения евреев в сибирские губернии и для уменьшения числа поселенных уже в Сибири евреев» их приезд в Сибирь «решительно и навсегда прекращался».[29]

Либеральное законодательство Александра II, согласно которому некоторые категории евреев – купцы I гильдии, ремесленники, лица с высшим образованием, солдаты, отслужившие полный срок службы по рекрутскому набору, - получили право «исхода» из черты оседлости, мало повлияло на структуру сибирского еврейского населения. Полученной льготой в значительной мере воспользовались лишь солдаты, оказавшие заметное влияние на состав сибирского еврейства и сыгравшие значительную роль в его истории. Выпускники университетов и купцы не торопились использовать дарованное им право для приезда и поселения в Сибири, а для ремесленников это право в значительной степени оставалось формальным. Впоследствии ужесточение мер по пресечению приезда в Сибирь

---

[29] Леванда В.О. Полный хронологический сборник законов… С.410.

каких бы то ни было, в том числе и «привилегированных в праве жительства» евреев, свело эту «статью» пополнения общины практически к нулю. Роковую роль в этом сыграла статья 23 Устава о паспортах издания 1890 года, которая запрещала всем евреям приезд и водворение в Сибири, кроме указанных в Уставе о ссыльных ссылаемых по суду и в административном порядке и в Законе о состояниях - поселившихся в Сибири до 15 мая 1837 года и допущенных там к занятиям золотым промыслом. Указанная статья, именовавшаяся «Основным законом об ограничении пребывания евреев в Сибири», оказалась в эпицентре законодательства о сибирских евреях и поставила Сибирь в исключительное, совершенно отличное от других частей империи положение в отношении права жительства в ней евреев.[30]

В 1903 году эта статья была перенесена в новое издание Устава о паспортах под номером 68. Согласно пункту 11 приложения к этой статье приезд и водворение в Сибири воспрещались всем евреям, за исключением ссыльных и членов их семей, которые могли последовать за ними. Исключение делалось также для отставных солдат рекрутского набора и их потомков, но только приписанных к обществам Сибири.[31]

Противоречие между безусловным для евреев запретом въезда в Сибирь и фактическим проживанием там евреев, которым позволено жить вне черты оседлости, а следовательно, и в Сибири, было слишком явным, а потому вопрос о праве проживания в Сибири льготных категорий евреев вставал неоднократно, но в конечном итоге он чаще всего принимал ограничительный характер.

Безусловно следуя в фарватере общероссийской запретительной еврейской политики, сибирские губернаторы накладывали на нее собственные представления о решении еврейского вопроса в Сибири. За редким исключением их предложения были направлены к мерам по пресечению приезда в Сибирь всех евреев без всякого исключения, даже приговоренных к ссылке или каторжным работам.[32]

С 1900 года после существенного ограничения ссылки как меры наказания акцент в усилиях сибирской администрации по решению «еврейского вопроса» был перенесен на ограничение права жительства в Сибири тех евреев, которые уже там оказались: отбывших срок наказания и их детей, последовавших за ними. Поначалу евреи, отбывшие наказание, в

---

[30] Моравский Вал. К положению евреев в Сибири. // Еврейский мир. 1910. № 25. С.16.

[31] ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.979. Д.3480. Л.4-5.

[32] Там же. К.917. Д.26. Л. 247, 250-251; Ф 29. Оп. 1. ДП. 3. Д 30. Л.95, 242; Д.124. Л.68-69, 72.

соответствии с Указом I Общего собрания Правительствующего Сената от 20 мая 1887 года были обязаны вернуться в черту оседлости, так как не имевшие права проживать за ее пределами до осуждения не могли приобрести таковое после освобождения. Однако через некоторое время стало ясно, что закон требует пересмотра: многие евреи предпочитали оставаться в звании ссыльнопоселенца, чтобы не выезжать в черту оседлости, так как за время пребывания в Сибири они женились, обзаводились хозяйством, находили постоянный заработок. Определением I Департамента Правительствующего Сената по делу Пандре, а затем и по делу Когана было установлено: разрешение выехать из Сибири в черту оседлости не может быть признано равносильным обязанности немедленно ее покинуть. Однако и после этого борьба за освобождение Сибири «от отягощения ее евреями» на местном уровне продолжалась.

Вторая массовая группа, чей статус и право жительства в Сибири вызывали много вопросов, были дети ссыльных. Статья 264 Устава о ссыльных издания 1890 года закрепляла ранее установленный запрет для ссылаемых в Сибирь евреям брать с собой сыновей старше пяти лет. Однако требование практически не соблюдалось, что вызвало значительный наплыв в Сибирь еврейских мальчиков в возрасте старше позволенного законом.[33] По закону их должны были либо записывать в военные кантонисты, либо по достижении 16-летия отправлять в черту оседлости. Однако отправляемые туда юноши под разными предлогами останавливались и проживали в разных местностях Восточной Сибири, нигде не приписываясь. Отчисленные из обществ в черте еврейской оседлости, к которым принадлежали до ссылки их родители, и не причисленные ни к каким обществам Сибири, эти уже повзрослевшие дети составили, по признанию Иркутского генерал-губернатора А.И. Пантелеева, «совершенно ненормальную категорию…не принадлежащих к никаким податным обществам, что вредно отзывается на фискальных интересах казны». [34] Решив, что лучше разрешить еврейским сыновьям жительство в Сибири, чем терпеть ежегодную потерю для казны немалых денег, сибирская администрация позволила «остановившимся по дороге в черту евреям остаться на жительство в Восточной Сибири до разрешения о них вопроса». [35]

Политика жесткого ограничения въезда евреев в Сибирь фактически изжила себя в годы первой мировой войны после приказа Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича от 27 января

---

[33] ГАИО. Ф.32. Оп.1. Д.1265. Л.2.
[34] НАРС(Я). Ф. 477-и. Оп. 1. Д. 9. Л.19.
[35] ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 12005. Л.2.

1915 года, который, объявив евреев «надежными союзниками врагов России», повлек за собой тотальные депортации евреев из прифронтовой полосы. Им разрешалось проживать повсеместно в городах, кроме тех, откуда они были высланы по статьям о военном положении, а также столиц и местностей, состоявших в ведении министерств двора и военного. Был позволен въезд и в Сибирь с семьями и детьми без каких-либо возрастных ограничений.

Политика пресечения въезда евреев в Сибирь объясняется, скорей всего, желанием держать эту иноверческую группу людей под контролем, что проще было сделать в черте оседлости. В Сибири с ее бескрайними просторами и ограниченными фискальными возможностями полицейской власти евреям проще было «затеряться» и постепенно обрести ту самодостаточность, которая позволяла если не полностью обойти ограничительное законодательство, то в значительной степени нейтрализовать его негативное действие. С другой стороны, сибирская администрация не стремилась вовсе не допустить евреев в Сибирь или совсем выселить их оттуда. Власти все время балансировали на грани некоего процента, превышать который не следовало, но в рамках которого евреи были ею вполне терпимы. Их предпринимательский талант получил признание у высшей сибирской администрации.[36] К тому же в ее глазах они играли и важную социальную роль «раздражающего фактора», на который в случае чего можно было направить общественное недовольство.

Во *втором параграфе* первой главы анализируется законодательство, регламентирующее жизнь тех, кто уже оказался в Сибири. Самую значительную группу документов об ограничении прав евреев Сибири представляют законоположения, запрещающие им свободно передвигаться по всей ее территории и устанавливающие так называемую «сибирскую черту оседлости» евреев. На наш взгляд, термин имеет полное право на введение в научный оборот: он открыто фигурировал в официальной переписке и ограничивал право жительства и деятельности каждого сибирского еврея определенной территорией подобно тому, как эти права для евреев западных губерний были действительны только в четко очерченных границах – черте постоянной еврейской оседлости.

Сибирская черта оседлости появилась практически одновременно с появлением самих «виновников». Юридически она была закреплена Положением Комитета Министров от 11 ноября 1847 года, которым определялось, что для евреев, оказавшихся в Сибири до 15 мая 1837 года, их детей, родившихся в Сибири, или по распоряжению правительства туда от-

---

[36] ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К.917. Д. 26. Л.384.

правленных и достигших 18-летнего возраста, а также женщин, которым позволено там остаться, место их поселения должно считаться постоянной для них оседлостью. [37] Из Положения неясно, что понимал под «местом поселения» законодатель: всю Сибирь или конкретный населенный пункт - место жительства того или иного еврея. Правительствующий Сенат, придав термину самый узкий ограничительный смысл, «создал» для евреев Сибири особую черту оседлости, отличную от «черты» в общепринятом смысле: она не имела четких границ, но каждый отдельно взятый сибирский еврей обретал собственную «черту», приравненную к нарицательному месту жительства.

До 90-х годов XIX века сибирская черта, хотя и обозначала свое присутствие в документах,[38] соблюдалась не строго. Евреи жили в Сибири почти повсеместно, не оглядываясь на место приписки. По мнению исследователя, проведение именно в 90-е годы XIX века «водораздела» между жизнью сибирских евреев в качестве полноправного (насколько это вообще применимо к евреям) населения и приравниванием их жительства вне места приписки к существованию вне закона обусловлено факторами как общероссийского, так и местного сибирского значения. Ужесточение дискриминационных действий по отношению к сибирским евреям стало естественным следствием ужесточения «еврейской» политики администрации Александра III. Немалую роль в этом сыграл рост экономического влияния евреев, что настораживает власти и заставляет принимать меры, искусственно сдерживающие еврейскую активность. По-видимому, нельзя полностью игнорировать и настроения сибирской администрации и ее собственные представления о решении «еврейского вопроса». Характерно, что ужесточение дискриминационных действий пришлось на правление Иркутского генерал-губернатора А.Д. Горемыкина, изрядно страдавшего антисемитизмом и проводившего антиеврейские акты в жизнь не только по приказу, но и, что называется, по велению души.

Об окончательном вступлении в свои права сибирская черта оседлости объявила в 1897 году Указом Правительствующего Сената от 24 марта по делу Бронштейна: с этого времени евреи были прикрепощены даже не к месту жительства, где они обжились, а к тому, где их предки были когда-то приписаны. Черта оседлости вошла в быт сибирских евреев с еще более жесткой формулировкой, чем в западных губерниях, фактически прикрепив каждого еврея к месту, которое он не мог покидать без специального разрешения. По характеристике Л. Зайденмана, в Сибири был соз-

[37] Леванда В. О. Указ. соч. С. 677-678.
[38] РГИА. Ф. 1265. Оп. 4. Д.149.

дан институт потомственных ссыльнопоселенцев, на веки вечные прикрепленных к местам приписки их сосланных предков.[39] Сибирь, не знавшая крепостного права, дала его уникальную разновидность – прикрепление к земле по конфессиональному признаку.

Установление «черты» повлекло массовое переселение евреев из мест, где они прожили с ведома администрации большую часть жизни, в места их приписки. Но выполнить подобную меру на местах было труднее, чем предписать ее из Петербурга. При точном исполнении распоряжения о «черте» только из Томска пришлось бы выселить 800 семей, имеющих собственность в городе, а в Иркутске – не менее тысячи, владевших приблизительно сотней домов общей ценностью в 2 млн. рублей. [40] Полное выселение евреев в места приписки вызвало бы в Сибири промышленный и финансовый крах. Поэтому даже при громких акциях выселения администрация оставляла некий допустимый процент живущих вне мест приписки евреев, не переходя «критической черты», которая могла иметь необратимые последствия.

Стремление властей «упорядочить» проживание евреев в Сибири, хотя и принесло много горя сотням еврейских семей, не дало желаемого результата: более половины евреев оставались вне мест причисления. [41] На взгляд автора, это объясняется несколькими факторами. Первый - неопределенность в законоположениях, допускающая самое разнообразное их толкование и тем сводящая исполнительскую политику на местах практически к нулю. При интенсивности и запутанности еврейского законотворчества законодатель сам иной раз забывал о собственных недавно принятых законах, и один и тот же документ получал различное толкование даже в высших правительственных учреждениях. Запретительные меры не приводили к желаемым результатам и ввиду неспособности местной администрации при огромном множестве дел такого рода и небрежности ведения документации контролировать точное исполнение всех законов и предписаний. Наконец, малое жалованье большинства сибирских чиновников при большой дороговизне способствовали формированию взглядов на доверенную им власть как на предмет промышленности или торговли. За известную сумму любой еврей мог избежать выселения или «расширить» границы своей оседлости.

На протяжении нескольких лет сибирская черта оседлости подвергалась трансформации, то не выходя за пределы города или селения, то

[39] Зайденман Л. Правовое положение евреев в России. СПб, 1906. С. 27.
[40] Войтинский В., Горнштейн А. Евреи в Иркутске. Иркутск, 1915. С 31.
[41] ГАИО. Ф.25. Оп 9. К.917. Д 26 Л.90 а.

расширяясь до волости, а позже до округа или уезда, являвшегося местом приписки каждого конкретного еврея.[42] Главной причиной расширения границ черты оседлости стало постепенное понимание сибирской администрацией ущербности политики тотального притеснения евреев: их «прикрепление» к городу или волости тормозило экономическое развитие края.[43] Экономическая активность, ставшая причиной ограничения «жизненного пространства» евреев в Сибири, по иронии судьбы способствовала и его расширению.

Во второй главе «Особенности формирования еврейских общин Восточной Сибири», также состоящей из двух параграфов, исследуется процесс образования еврейского общества в регионе, его численный рост, эволюция структуры.

В *первом параграфе* показаны пути проникновения евреев в Сибирь, динамика численности еврейского населения, принципы расселения евреев в регионе, процесс формирования сословно-профессиональной структуры общин. Первой относительно устойчивой группой сибирского еврейского населения стали ссыльные. С середины XYIII века ссылка евреев в Сибирь сделалась постоянной, а в начале XIX века евреи уже образовали небольшие колонии в Томске, Омске, Каинске, Канске и Нижнеудинске. [44] За евреями в ссылку добровольно следовали члены их семей, по численности вплотную приближаясь, а то и значительно превосходя собственно ссыльных. К началу 1898 года на территории Иркутского генерал-губернаторства числилось 7946 ссыльных евреев с семьями, из которых 4197 человек составляли добровольно последовавшие. [45]

В 50-60-е годы XIX века общины пополнялись за счет бывших военных кантонистов, проходивших муштру в военных школах – кантонах, а позже поступавших на военную службу. Закон 1867 года позволил остаться в Сибири солдатам, отслужившим полный срок службы по рекрутскому уставу и получившим право повсеместного жительства. Эта категория ев-

---

[42] Там же. Л.258; ГАЧО. Ф.1(о). Д. 3341. Л.150; Устав о паспортах со всеми изменениями, дополнениями и разъяснениями по решению Правительствующего Сената и циркулярами Министерств со включениями правил о праве жительства евреев. / Состав. К.Абрамович. СПб., 1905. С.89; Гимпельсон Я.И. Законы о евреях. Систематический обзор действующих законоположений о евреях с разъяснениями Правительствующего Сенага и Центральных правительственных установлений. Ч.1. СПб., 1914. С.225.

[43] ГАИО. Ф. 29. Оп. 1. ДП. 3. Д.322. Л. 55-56.

[44] Островский Ю. Сибирские евреи. СПб., 1911. С.8.

[45] ГАИО. Ф.25. Оп. 6. К.449. Д 196. Л.28-29.

реев, поселившаяся на законных основаниях в Сибири, вместе с ссыльными составила ядро будущих религиозных общин.

XX век внес некоторые изменения в источник формирования общин: в Сибирь приехали несколько десятков врачей, адвокатов, учителей. Хотя привилегированным категориям евреев въезд в Сибирь к этому времени был уже запрещен, но с учетом недостатка образованных людей, особенно медиков, в ряде случаев запрет снимался. На протяжении периода с середины XIX до начала XX веков статистика фиксирует медленный, но устойчивый рост еврейского населения в регионе.

Резкий скачок численности евреев в забайкальских городах Чите, Нерчинске, Верхнеудинске в 1905 году объясняется бегством от погромов, которые не докатились до Забайкалья. Последний виток численного роста еврейских общин Сибири наблюдается в период первой мировой войны, когда выселение из прифронтовой полосы «неблагонадежных инородцев», в первую очередь евреев, подозревавшихся в «сепаратизме», принимает массовый характер. Весной и летом 1915 года они появляются на территории исследуемого региона.

Места поселения евреев в Восточной Сибири, исходя из здешних условий, определял губернатор, после чего принятое решение утверждалось председательствующим в Совете Главного управления Восточной Сибири, а впоследствии - генерал-губернатором. Особенностью расселения евреев в Сибири по сравнению с западными губерниями, где ограничивалось проживание евреев за пределами городов и местечек, было как раз стремление не допустить их в города: власти опасались концентрации здесь неблагонадежного ссыльного элемента. Тем не менее евреи, лишенные необходимых в деревне профессиональных навыков, стремились вернуться в привычную для них городскую обстановку. Стабильные этнические общности евреев в городах сложились уже в середине XIX века. Их процент в городском населении был неизменно выше, чем таковой в сельском, причем он постоянно рос по отношению к общему числу евреев в губерниях, достигая половины и больше. Сибирская администрация примирилась с концентрацией в городах еврейского населения из-за «большей возможности в последних торговых и ремесленных заработков, наиболее доступных евреям по их привычной деятельности». К тому же местная власть считала необходимым оградить «от эксплуататорских наклонностей» евреев «менее развитое сельское население».[46] Массовые выселения из городов, которые время от времени предпринимались при соблюдении сибирского еврейского законодательства, практиковались до каких-то оп-

[46] ГАИО. Ф.25. Оп. 9. К. 917. Д.26 Л.60 а, 315-316, 363, 379-381.

ределенных пределов, не допуская полного разрушения еврейских общин. Сибирская администрация искусственно регулировала еврейскую численность, соблюдая некий ей известный процент, выход за пределы которого был уже нежелателен. Евреи были для нее «необходимым злом». Не менее важной в ее глазах была и экономическая роль евреев – колонизаторов края. Потребности его развития диктовали необходимость еврейского присутствия, в том числе в городах.

Анализируя сословную структуру еврейского общества, следует отметить несколько особенностей. Во-первых, очень высокий процент ссыльных – от трети в городах до двух третей и более в округах. Это объясняется тем, что по полицейской статистике в разряд ссыльных заносились крестьяне и мещане в первом поколении, происходившие из ссыльных. Во-вторых, большое число крестьян-евреев даже в городах: крестьяне составляли основную массу еврейского населения во всем рассматриваемом регионе, в то время как в Европейской России евреи – преимущественно мещане или купцы. Это объясняется положением Устава о ссыльных, запрещавшим переход ссыльнопоселенцев в городские звания, но позволявшим перечисленным в крестьяне жить в городах и заниматься ремеслами и промышленностью. Следует отметить и высокий процент гильдейского купечества, что свидетельствует об экономической активности еврейского населения. В 1897 году в Енисейской губернии евреи составили пятую часть городского купечества, в Иркутской – четвертую, в Забайкальской – почти половину при том, что процент евреев в населении городов Енисейской губернии был не выше пяти, в Иркутской – 6,4 и в Забайкальской области – 8,1.[47]

Профессиональная структура еврейских общин региона сложилась, главным образом, под влиянием двух факторов: особенностей экономического развития Сибири как колонизуемого края и правового статуса сибирского еврейства, четко регламентировавшего разрешение или, напротив, «запрет на профессии». Преимущественное развитие в Сибири торгового капитала и отстранение евреев от наиболее престижных занятий - государственного управления и сельского хозяйства - объективно способствовали закреплению за ними роли торгово-промышленного элемента, что в целом соответствовало сложившемуся стереотипу еврейской профессиональной специализации. 49, 2 процента еврейских семей в Енисейской губернии, 55, 5 – в Иркутской и 39, 7 процента в Якутской области были заняты в торговле, причем доля их все время росла.

---

[47] Подсчитано по материалам Первой всеобщей переписи населения 1897 г. СПб, 1904

Как региональную особенность следует отметить высокий относительно черты оседлости и внутренних губерний процент евреев, занимающихся земледелием: от 6,6 в Енисейской губернии до 12, 9 в Забайкальской области, в то время как в целом в Российской империи процент занимающихся сельским хозяйством евреев был всего 3,55. Если на 10 тысяч человек в среднем за пределами черты оседлости земледелием занимался 251, то в Сибири – 825. [48]

Хотя в целом в регионе профессиональная специализация евреев укладывалась в традиционно сложившуюся систему разделения труда, в каждом городе или округе сложилась своя еврейская специализация, продиктованная особенностями экономического развития и структурой занятий местного населения. Близость приисков определяла занятия извозом и другие виды деятельности «около приисков», почти каждый четвертый еврей Баргузина кормился добывающей промышленностью, а в округе – каждый третий,[49] что было определено обилием рудников. В Прибайкалье наряду с хлебопашеством и торговлей евреи занимались рыбопромышленностью, а в селениях с преимущественным бурятским населением – скотоводством. [50]

Второй параграф посвящен еврейской семье как структурной единице общины. Основным источником для анализа ее «людности», внутренней структуры, брачно-возрастных особенностей послужили метрические книги Иркутской, Верхнеудинской, Читинской, Сретенской, частично Нерчинской еврейской молелен.

Сибирские евреи «первой волны» не составляли традиционной еврейской семьи, поскольку еврейское общество формировалось, главным образом, за счет ссыльных (большей частью, мужчин), что с самого начала породило диспропорцию между мужским и женским населением. Разрешение семье ссыльного еврея следовать за своим главой существенно изменило ситуацию: число добровольно следовавших за главой семьи домочадцев превышало число собственно ссыльных. Необходимость отдавать мальчиков, прибывших в Сибирь в возрасте старше 5 и моложе 18 лет, в кантонисты или отправлять их по достижении совершеннолетия в черту оседлости не привела к половой диспропорции. Во-первых, малолетних сыновей разрешалось оставлять при родителях, а подросших они предпочитали отдать в кантонисты, чем отправлять в черту оседлости, где все

[48] Первая всеобщая перепись населения 1897 г. ; Бруцкус Б.Д. Профессиональный состав еврейского населения России. Вып.II. СПб., 1908. С 74 .

[49] Первая всеобщая перепись населения 1897 г. Забайкальская область.

[50] ГАЧО. Ф. 1(о) Оп. 1. Д. 13526. Л.2-22; Д. 14022. Л.116-119.

родственные связи уже были фактически разорваны. Во-вторых, анализ метрических записей подтвердил наличие отмеченного демографами «еврейского феномена» стремительного опережения по рождаемости лиц мужского пола.

Еврейскую семью дореволюционной Сибири отличает несколько особенностей. Во-первых, высокий брачный возраст (в среднем 21,1 для невесты и 26-27,8 для жениха), что объяснялось особенностями формирования еврейского населения Сибири. Во-вторых, значительный процент (38,5) браков ссыльных с причисленными к податным сословиям, что было обычным явлением: статус ссыльного – закономерный этап в становлении еврея-сибиряка. Тенденцию к исключительно высоким темпам естественного прироста населения нельзя считать чисто сибирской особенностью: еврейские семьи, независимо от сословия и имущественного положения, стремились иметь много детей в силу целого ряда свойственных им культурных и национальных традиций. Высокая рождаемость даже тогда, когда в целом по территории наблюдался отрицательный баланс населения, при низком коэффициенте смертности отмечалась даже сибирской администрацией.[51] И, наконец, обрядовая сторона оформления брака. Отсутствие раввинов в большинстве населенных пунктов, где осели евреи, далекие расстояния, лишение права на свободное перемещение вынуждали пренебречь условностями. Часто за неимением раввина или резника обряд бракосочетания выполняли случайные, мало подготовленные люди, хотя семейный союз обретал законную силу только после освящения его духовным лицом. Широкое распространение получило официальное заключение брака постфактум, после многолетнего совместного проживания, когда брачная пара прибывала в город, где имелся раввин. Обыденным явлением был и заочный развод, когда брошенная супруга узнавала об этом из разводного листа, изготовленного общественным раввином по месту приписки или нахождения мужа без всякого согласования с кем бы то ни было, и вручавшегося ей третьим лицом.[52]

Еврейские сибирские семьи, по принятой у демографов типологии семей, были большей частью простыми: брачная пара с неженатыми (незамужними) детьми или без них. Гораздо реже встречались трехпоколенные расширенные и сложные отцовские семьи, когда с престарелыми родителями жил взрослый сын с семьей, или две и более супружеских пар, основанных их детьми, со своим потомством. Примеров линейной семьи (три и более брачные пары, связанные между собой прямой линией родства), не

---

[51] ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д.14328. Л. 4.

[52] Там же. Ф.282. Оп. 2. Д.183. Л. 3; Д.199. Л. 1-3; Д. 214. Л. 1-2.

встречено вовсе.[53] Имея более устойчивые, нежели православные, традиции патриархального семейного быта, евреи, тем не менее, постепенно по внутренней структуре семьи вплотную приблизились к последним: в последней трети XIX века процент сложных семей у иудеев и православных практически сравнялся.[54] По-видимому, к тому времени, когда семейное положение евреев исследуемого региона стало отражаться в метрических книгах, еврейская семья проходила стадию перехода от сложной к упрощенной структуре.

Для еврея семья была чем-то большим, нежели просто кругом близких людей, компаньонов и продолжателей семейного бизнеса. При правовых ограничениях евреев в Сибири семья была гарантией дополнительных прав и свобод. При решении вопроса о выселении данного еврея или оставлении его в месте жительства наличие семьи играло столь же важную роль, как «прочное домообзаводство и многогодний промысел», потому что это свидетельствовало о прочной оседлости, основательности и исключало временное пребывание. Зафиксированы случаи, когда евреев даже при наличии собственного дела и приезда в регион до определенного срока, после которого он оказывался вне закона, выселяли при отсутствии семьи.[55]

Третья глава «Хозяйственная деятельность еврейских общин», также состоящая из двух параграфов, посвящена экономической роли еврейских общин в развитии исследуемого региона.

В *первом параграфе* рассказывается о путях, методах и средствах первоначального накопления капитала. Структура экономической деятельности еврейских общин региона складывалась под влиянием нескольких факторов. Во-первых, еврейскому населению, заявившему о себе как об участнике хозяйственного освоения края лишь в середине XIX века, необходимо было найти нишу, где конкуренция была бы наименьшей и, следовательно, открывалась бы возможность наименее болезненного вхождения в существующую экономическую структуру. Во-вторых, занятия евреев не должны были вступать в противоречие с существующим законодательством, четко регламентирующим все разрешения и запреты. В крае, который, с одной стороны, был надолго законсервирован политикой царизма в качестве рынка сбыта продукции Европейской России и поставщика колони-

---

[53] Подсчитано по материалам ГАИО. Ф.91. Оп. 2. Д.466. Л.1-181; Ф.70. Оп. 3 Д.1019.

[54] Гончаров Ю.М. Купеческая семья второй половины XIX – начала XX вв. М., 1999. С.139-140.

[55] ГАКК. Ф.595. Оп. 48. Д. 604. Л. 164; ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 14215. Л. 290.

ального сырья, а с другой - служил сферой вложения немалых денег в связи с вновь открытыми золотыми приисками и последующим строительством железной дороги, особого выбора у них не было. Они были обречены на роль торгово-промышленного элемента, которую успешно играли со времени появления в Сибири и до установления Советской власти. Во-первых, в этом качестве они были востребованы колонизуемым регионом, остро нуждавшимся в развитии ремесла и торговли. Во-вторых, социально-правовой статус евреев в Российской империи, по которому они были отстранены от наиболее престижных сфер деятельности – государственного управления и сельского хозяйства, так как это подразумевало владение землей и операции с ней, - оставлял им единственную возможность создания материальной основы жизни в Сибири: жизнь в качестве «торгового меньшинства»,[56] специализация на профессиях с низким социальным статусом - торговля, финансы. На выбор торговой сферы деятельности объективно сыграло и правовое положение сибирских евреев: постоянная неуверенность в завтрашнем дне требовала быстрого оборота капитала при одновременном получении высокой прибыли, скорого и безболезненного свертывания работ при первой угрозе выселения из города. Процент торгующих среди евреев был в 3-7 раз выше, чем их доля в городском и сельском населении.[57] Вынужденные жить в деревнях и тяготеющие к промышленным центрам, евреи-сибиряки совершенно естественно становятся торговыми посредниками между деревней и городом. Еврейская торговля отличалась отсутствием определенной специализации, быстрой оборачиваемостью и «проникающей силой», делавшей евреев необходимым и незаменимым связующим звеном межу городами и селениями, инородческими селами, приисками, строящейся железной дорогой, военными гарнизонами. За 30-40 лет активной деятельности начавшаяся с мелких сделок еврейская торговля в Восточной Сибири приобрела солидность, а ее носители заняли в ней прочные позиции. В Иркутске, к примеру, на рубеже XIX - XX веков в 1901 году из 133 наиболее значительных торговых фирм четверть принадлежала евреям, в Верхнеудинске – 16 из 35, в Чите – 20 из 46, Нерчинске – 12 из 21, а в Сретенской – 22 из 30.[58] Еврейские купцы зани-

---

[56] Дятлов В.И. Евреи: диаспора и «торговый народ». // Сибирский еврейский сборник. №2. Иркутск, 1996 С. 10.

[57] Памятная книжка Енисейской губернии на 1891 г. Красноярск, 1892; Первая всеобщая перепись населения Российской империи, Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С.63.

[58] НАРБ. Ф.10, Оп. 1. Д 2492. Л. 60-70, Памятная книжка Иркутской губернии на 1902 г. Иркутск, 1902. С.221, Весь Иркутск с отделом Забайкальской области на 1908 год Иркутск, 1908 Отд.Y. Забайкальская область. Стб. 19-22.

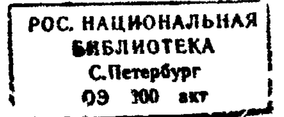
мали лидирующее положение в торговле пушниной, готовым платьем, металлическими изделиями, скобяными товарами, оконным стеклом. Устойчивые позиции они удерживали в торговле хлебом, мясом, мануфактурой, бакалейными товарами.

Утвердиться в экономике региона евреям удалось и с помощью золотодобычи. Объективно этому способствовал тот факт, что новый Устав о частной золотопромышленности 1870 года, разрешивший им добычу золота, по времени совпал с началом ее упадка из-за технической отсталости и нехватки оборотного капитала у золотодобывающих компаний, в то время как евреи уже располагали достаточными накоплениями для самостоятельных разработок золотых россыпей. В 80-90-е годы XIX века золотодобыча почти полностью перешла от крупных русских золотодобывающих компаний к дельцам средней руки, в том числе и еврейским.

Успешные занятия торговлей и золотодобыча позволили многим потомкам ссыльных и отставных николаевских солдат, оказавшихся в Сибири на законных основаниях, прочно закрепиться в занятой экономической нише, обеспечить своим семьям достойный уровень жизни и расширить «еврейскую» прослойку в среде сибирского купечества.

Второй параграф показывает экономическую деятельность еврейских общин региона на рубеже XIX-XX веков. Возросшее экономическое влияние, установленные связи плюс традиции и менталитет торговых «первопроходцев», сделали еврейских предпринимателей носителями капиталистических отношений в большой торговле, транспортном деле, подрядах, необходимым связующим звеном при заключении сделок между солидными заказчиками – железнодорожным и военным ведомствами, крупными строительными фирмами. На развитие «еврейской» экономики в это время объективно сыграли два фактора: строительство железной дороги и военные действия на Дальнем Востоке 1904-1905 годов, а в дальнейшем – первая мировая война. С проведением железной дороги сибирская торговля совершенно изменила свое лицо: отпала необходимость в крупных торговых посредниках, которые монополизировали весь товарный поток в пунктах сосредоточения больших партий товара – Томске и Иркутске, появилась потребность в ярмарках, обслуживающих небольшие районы. И если многие предприниматели, не сумевшие приспособиться к новым условиям, вынуждены были отойти в сторону, то для еврейской торговли, всегда базировавшейся не столько на объемах, сколько на гибкости и стремительности, настал звездный час. Еврейские предприниматели также в большей степени стали исполнителями военных заказов во время боевых действий. Отлученные законом вначале от торговли спиртным, а затем, после сенатского разъяснения 1893 года, разрешавшего золоторазработки

только в месте приписки, и от золотодобычи, они переориентировались на выпуск всегда необходимой региону продукции – лесоматериалов, кожи, продовольствия, которая во время войны попала в разряд стратегического сырья. В силу этого еврейские предприятия оказались лучше приспособленными к нуждам военного времени. Торговые дома, созданные еврейскими предпринимателями, числились среди самых солидных предприятий региона, были постоянными поставщиками крупных ведомств и призерами торгово-промышленных выставок.

По мнению автора, в истории становления и развития экономической деятельности еврейских общин Восточной Сибири следует выделить три периода. Первый – 50-е-70-е годы XIX века – процесс первоначального накопления капитала. Вчерашние ссыльные и отставные солдаты сколачивают состояние за счет торговли. Имея за плечами многовековую историю торгового дела, евреи, невзирая на запреты, проникают в самые отдаленные области, нащупывают рынок, устанавливают контакты, становятся незаменимыми посредниками между отдаленными друг от друга населенными пунктами. Второй этап – 80-е годы – начало XX века. Характеризуется устойчивыми позициями евреев в торговле и золотодобывающем промысле. Ниша не только найдена, но и в значительной степени захвачена. Нажитые капиталы вращаются, главным образом, в сфере торговли, хотя уже начинают вкладываться в промышленное производство. Евреи становятся первооткрывателями и монополистами в целом ряде отраслей: мыловарение, торговля продукцией мукомольной, стекольной, кожевенной промышленности. Еврейские купцы занимают видное место среди купечества обширного региона, усиливая свои позиции при движении с запада на восток. Третий период – 1901-1917 годы. Характеризуется устойчивым положением еврейского капитала на рынке Восточной Сибири. Активизируется процесс концентрации денежных средств, создаются торговые дома. Торговые дела выходят далеко за пределы региона. Продукция, выпущенная на принадлежащих евреям предприятиям, завоевывает признание. Евреи пополняют собой ряды известных меценатов.

Можно выделить несколько факторов, выдвинувших эту сравнительно малочисленную, но активную этническую и конфессиональную группу на передние позиции в местной экономике. Первый – «колониальность» региона, остро нуждавшегося в присутствии «капиталистического духа», носителями которого в силу исторического развития стали евреи. Второй – специфика «еврейского сегмента» сибирской колонизационной волны, которая в основном состояла из деревенских элементов. Евреи же были преимущественно городским торговым элементом колонизации, поскольку в таких условиях они существовали в черте оседлости. Так как в

Сибири все стремились вернуться к привычным условиям хозяйственной жизни, евреи как обладатели определенных хозяйственно-профессиональных навыков оказались вне конкуренции в качестве носителей новых капиталистических отношений. Добавим к этому веками выработавшуюся гибкость и мобильность, умение моментально определить конъюнктуру, быструю приспособляемость к новым экономическим условиям, трудолюбие, умение рисковать – навыки, необходимые при переходе к капиталистическим отношениям, в приобретении которых другие этнические группы вряд ли могли с евреями соперничать. Все это плюс доброжелательность и веротерпимость сибиряков поможет понять феномен прочного утверждения евреев в сибирской экономике даже в условиях суровых правовых ограничений.

Четвертая глава «Общественная жизнь еврейских общин» показывает процесс движения еврейских общин к признанию через их общественную активность и качественный рост. Глава состоит из трех параграфов.

В первом параграфе рассматриваются вопросы получения членами общины образования и исследуется процесс формирования общинной интеллигенции. Первые евреи-сибиряки были практически все неграмотны, что не было чем-то особенным в Сибири, где общий уровень грамотности был чрезвычайно низким. Первые еврейские юноши появились в городских учебных заведениях Сибири в 60-е годы. В дальнейшем наблюдается сильнейшая тяга к образованию у сибирских евреев: это был самый надежный способ приобретения права повсеместного жительства и повышения своего социального статуса.

Особенностью образования евреев в Сибири была его явная русифицированность (еврейские национальные школы появились в регионе только на рубеже XIX – XX веков) при одновременной тяге к еврейскому языку как разговорному. Процент признавших его родным в Сибири (96,9) оказался даже выше, чем в черте оседлости в то время как грамотность по-русски превышала грамотность на других языках в 8-10 раз.[59] Высокий процент считавших еврейский язык родным говорит о том, что в культурном отношении евреи составляли довольно однородную массу, несмотря на рассеяние среди различных народов, и сохраняли национальную самоидентификацию, национальное самосознание и национальную сплоченность. Высокий уровень овладения русской грамотой, в свою очередь, го-

---

[59] Бруцкус Б.Д. Статистика еврейского населения. Распределение по территории, демографические и культурные признаки еврейского населения по данным переписи 1897 г. СПб., 1909. С.35; Табл. 5.

ворит об ассимиляции, естественной в сибирских условиях, и большой способности к интеграции в культуру окружающих народов.

Процентные нормы, введенные Министерством народного просвещения 1 июля 1887 года для ограничения возможности получения евреями образования, в Сибири часто не соблюдались и практически во всех учебных заведениях Сибири (как гимназиях и прогимназиях, так и специализированных учебных заведениях) процент учащихся евреев превышал официально допустимый. [60] Причины этого видятся, во-первых, в том, что в ряде случаев иудеи просто заполняли не занятые представителями православия места, особенно это касается женских мест. Поскольку уровень женского образования у православных традиционно был существенно ниже, чем мужского, и еврейские девочки в большей степени могли претендовать на незанятые места, их процент в женских училищах и гимназиях всегда был выше, чем процент еврейских мальчиков в мужских. Во-вторых, сибирские учебные заведения, в уставах которых значился прием представителей всех вероисповеданий на общих основаниях, сопротивлялись введению процентных норм, открыто саботируя министерские циркуляры. Наконец, процентные нормы удавалось обойти благодаря общественному мнению, негативно оценивавшему потуги правительства ограничить возможность получения евреями образования.[61]

В начале 90-х годов XIX века в сибирских общинах появились первые сибирские уроженцы с университетскими дипломами, с этого времени идет постоянный рост еврейской интеллигенции. В числе избранных специальностей чаще всего были юриспруденция, журналистика, медицина, естественные науки, инженерное дело. В Иркутской общине за период с 1888 по 1908 годы процент медиков вырос с 0,5 до 5,9, учителей и лиц творческих профессий – более чем вдвое. [62]

Во *втором параграфе* рассказывается об общественной, культурно-просветительской и благотворительной деятельности общин региона. Экономическая состоятельность, относительно высокий уровень образования и стремление повысить свою значимость в глазах общества сформировали по-

---

[60] ГАИО. Ф.193. Оп. 1. Д 159. Л.25; Ф.127. Оп. 1. Д. 111-228, 243-336; Оп. 2. Д 18-65; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.70.

[61] Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 163-165; Гройсман А. Указ. соч. С. 76; Восточное обозрение. 1900. № 198.

[62] Фоменко Ю.Н. Социально-профессиональная структура еврейской общины Иркутска по материалам Иркутского полицейского управления (кон. XIX – начало XX вв.). // Диаспоры в историческом времени и пространстве. Национальная ситуация в Восточной Сибири. Тезисы докладов международной научно-практической конференции 6-8 окт. 1994 г. Иркутск, 1994. С. 106.

веденческий стереотип евреев-сибиряков, отличный от такового в черте оседлости. Сибирским евреям не была присуща национальная замкнутость, напротив, еврейское общество стало частью сибирского. В общественной жизни евреи участвовали наравне с представителями других национальных групп населения, и в духовной жизни их активность была весьма высока. До принятия Городового положения 1892 года, запретившего им занимать должности в городском общественном управлении, они наравне со всеми исправно исполняли различные общественные обязанности: избирались городовыми старостами, гласными городских дум. После 1892 года они дали выход своей общественной активности в многочисленных общественных и благотворительных организациях. Этот вид деятельности, помимо самореализации, особенно необходимой людям самодостаточным, но при этом не имеющим равных со всеми возможностей, интегрировал их в местное общество, повышал общественный статус, делал полезными и приносил признание, необходимое при их правовой уязвимости и «чужеродности». Пожалуй, не было не одной общественной или благотворительной организации – от попечительств о тюрьмах и обществ вспоможения приказчиков до обществ любителей музыки и литературы, добровольно-пожарных обществ или покровительства животным, - в деятельности которых не принимали бы участия евреи. Они входили в состав советов и правлений, ведали кассой, а в ряде случаев и возглавляли эти организации.

Степень участия еврейских общин региона в благотворительной деятельности была не ниже их участия в торговле. Они открывали и содержали училища, поддерживали деньгами больницы и богадельни, устраивали благотворительные и музыкальные вечера в пользу детских приютов, обществ Красного Креста, общин сестер милосердия, жертвовали на культурные нужды городов.[63] Их благотворительная деятельность получила общественное признание и была отмечена наградами. [64]

Третий параграф «Политические настроения общин Восточной Сибири» раскрывает особенности сибирского еврейского политического менталитета. В отличие от евреев западной части Российской империи, связывавших решение «еврейского вопроса» с успехом русской революции

---

[63] ГАЧО. Ф.94. Оп. 1. Д.287. Л.2, 8; ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К.175. Д.131. Л. 1-5; Восточное обозрение. 1888. №50; 1889. №27; 1890. №4-5; 1901. №269; 1902. №290; Забайкальские областные ведомости. 1907. 22 февраля, 15 апреля; 1909. 28 января; Романов Н.С. Воспоминания. Рукопись. С.313; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С.175-176; Гройсман А. Указ. соч. Ч.1. С. 79 и др.

[64] ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К.175. Д.131. Л. 1-5; ГАЧО. Ф. 94. Оп. 1. Д. 640. Л.1, 5-6, 8; Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века – 1917 г.). Улан-Удэ, 2002. С. 63.

и из-за своего национального унижения «производивших» из своей среды революционеров,[65] сибирские евреи отличались политической инертностью Возможностью выйти за черту оседлости они исчерпывали свои чаяния, никак не связывая их со сменой государственного строя. Одной из основных причин индифферентного отношения евреев региона к политике были национальная терпимость и отсутствие почвы для антисемитизма, что во многом объяснялось особыми условиями хозяйствования в Сибири – более благоприятными для евреев, нежели на западе. При том безусловном влиянии, которое политические ссыльные оказали на развитие духовной жизни Восточной Сибири, еврейская масса в основе своей оказалась вне пределов этого влияния. Случаи, когда политические ссыльные-евреи прибивались к общине были скорее исключением, чем правилом. К тому же они не пытались нести в общину идеи, за которые оказались в ссылке, а напротив, подчинялись ее законам. Исследователи отмечали слабое ориентирование сибирских евреев в расстановке политических сил и равнодушие к деятельности политических партий.[66] Интуитивно они склонялись к умеренному либерализму, так как значительный их процент был самостоятельными хозяевами-предпринимателями, что автоматически делало их «буржуазной» группой. Единственным политическим течением, вошедшим в практику общинной жизни, стал сионизм.

Распространение сионизма в исследуемом регионе началось в 1901 году после массового приезда сионистских проповедников - магидов. Нелегальные сионистские кружки были организованы в Иркутске, Красноярске. В Забайкалье, как следует из полицейских донесений, особую активность проявили евреи Сретенской и Нерчинска.[67] На съезд сибирских сионистов в Томске в 1903 году съехались делегаты из Иркутска, Омска, Томска, Читы, Красноярска, Каинска, Баргузина, Боготола, Мариинска, Нерчинска. Но сибирские приверженцы сионизма, по крайней мере поначалу, значительно отличались по менталитету от таковых в черте оседлости. Сионизм был привлекателен для них как воскресшая мессианская идея – и только. Интенсивное создание сионистских кружков отнюдь не свидетельствовало об их эффективной деятельности, а покупка акций Еврейского Колониального Банка шла больше из соображений коммерческой выгоды,

---

[65] Будницкий О. В чужом пиру похмелье: евреи и русская революция. // Евреи и русская революция , Материалы и исследования. М. – Иерусалим, 1999. С. 7,10.

[66] Островский Ю. Указ. соч. С.43; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 327; Гройсман А. Указ. соч. Ч.1. С 84.

[67] ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д 4251. Л.44, ГАРФ. Ф.102. ДПОО. Оп. 226. Д.9. Ч.40. Л.15, 35-37.

чем по политическим мотивам.[68] В дополнение к политическому и духовному сионизму - по классификации Дубнова - Сибирь дала свою разновидность: назовем ее прагматическим. Желание помочь братьям по вере хорошо уживалось с стремлением к получению прибыли.

Своеобразным водоразделом, изменившим менталитет сибирских евреев, стал 1905 год. Погромная волна, охватившая 126 городов России, докатилась и до Сибири, разрушив спокойную жизнь сибирской провинции. Популярные ранее идеи ассимиляторства потеснились, решение вопроса о праве на национальное самоопределение приобрело самостоятельную ценность. Однако, по мнению автора, мнение В. Войтинского и А. Горнштейна по поводу всеобщего «прозрения» сибирского еврейства и повального его увлечения сионизмом после 1905 года ошибочно. Будучи сами активистами этого движения, они вольно или невольно распространили собственное настроение на всю сибирскую еврейскую общественность. На самом деле сионизм увлек лишь «верхний» слой купечества и часть интеллигенции, хотя и оставался наиболее популярным политическим течением в сибирском еврействе.

В 1915-1916 годах с притоком беженцев и выселенцев в крупных городах появляются подпольные группы социалистических еврейских партий. Однако заметных изменений в социальной структуре сибирского еврейства и общественно-культурной жизни не произошло. Симпатии сибирских евреев оставались на стороне сионистов, что подтвердилось в 1917 году на первых же повсеместно проводившихся общинных выборах, где сионисты одержали убедительную победу. Это было объективно обусловлено идеологией их движения, тактикой и стратегией деятельности в регионе, а также условиями формирования еврейского общества Сибири. Бундовцы, основные оппоненты сионистов, появились в Сибири только в 1915 году с притоком беженцев и выселенцев, носителей традиционной субкультуры еврейской черты оседлости. Сибирские же евреи сформировались в иной общественной и социально-культурной среде, нежели их западные единоверцы, и были далеки от идей социализма. Угнетенным национально более, чем социально, им были ближе общедемократические ценности, провозглашенные сионистами. Успех сионистов среди еврейского населения региона во многом объяснялся их конкретной деятельностью: они были лучше организованы, имели четкую программу действий, у них была отлажена связь с центральными органами движения. Они могли внести устойчивое организующее начало в благотворительную, юридическую и другую помощь в атмосфере всеобщей неуверенности и бессилия перед

[68] ГАЧО. Ф. 1(о). Оп. 1. Д. 4251. Л. 63.

антиеврейской политикой государства. Сыграло роль и более раннее проникновение идей сионизма в регион: ко времени появления здесь Бунда сионистские ценности уже успели «отложиться» в сознании евреев Сибири. К тому же в отличие от бундовцев сионисты с самого начала действовали через общину, сосредоточив все усилия на внутриобщинной работе. А высокая степень включенности сибирских евреев в общественную жизнь, деятельное участие в культурно-просветительских организациях подготовили платформу для развития именно этой идеологии.

Пятая глава диссертации «Внутриобщинная жизнь евреев Восточной Сибири», состоящая из четырех параграфов, реконструирует внутриобщинные отношения, характеризует этапы и показывает эволюцию внутриобщинной жизни на территории исследуемого региона.

Первый параграф «Борьба за признание молельных обществ» посвящен вопросам легализации еврейских общин и приобретения ими официального статуса. На взгляд автора, общинная жизнь в регионе началась задолго до официального признания институтов общинного самоуправления: регистрация молитвенного дома властями означает лишь признание де-юре того, что де-факто уже существует. Признаками существования общины следует считать, во-первых, устойчивую этническую общность в том или ином городе или селении и, во-вторых, явно выраженную потребность национального самосохранения через концентрацию вокруг синагоги и соблюдение канонов иудаизма. К середине XIX века на всей территории исследуемого региона оба признака были налицо.

Об официальном санкционировании еврейской общины со всеми ее атрибутами где-либо до 60-х годов говорить не приходится, хотя к этому времени институты общинного самоуправления уже фактически имели место в Иркутске, Енисейской губернии. Правил, определявших статус и принципы существования еврейских молитвенных учреждений вне черты оседлости, еще не было, и молельни открывались стихийно. Власти мирились с этим фактом, тем более что на территории обширного региона их были единицы и никакой опасности в глазах администрации они не представляли. Официальное же разрешение их деятельности было сопряжено с немалыми для общин трудностями, порой за право на открытое существование общинам приходилось бороться десятилетиями.

Опираясь на архивные документы, удалось установить дату и реконструировать историю открытия практически всех молитвенных учреждений на территории Восточной Сибири. В Красноярске молитвенная школа как «временная» существовала с 1822 года. В 1878 году ее существование было узаконено Министерством внутренних дел. Иркутские евреи получили разрешение на постройку молельни в 1877 году. Уничтоженная

пожаром сразу по окончании строительства синагога была быстро отстроена вновь на пожертвования, собранные «комитетом 18» – чрезвычайным органом, избранным общиной. 1881 год – время освящения синагоги - считается официальной датой рождения Иркутской общины, хотя фактически к этому времени она существовала уже почти два десятилетия.[69] Разрешение от военного губернатора Забайкальской области Педашенко на строительство молитвенного дома Читинская община получила в 1874 году, хотя сам дом к этому времени уже был выстроен и функционировал. В 1876 году с разрешения товарища министра внутренних дел князя Лобанова-Ростовского был открыт молитвенный дом в селении Кабанском в Забайкальской области – месте компактного жительства евреев, а в 1879 году разрешение на открытие молитвенного дома получили евреи Верхнеудинска, хотя фактически он существовал уже в 60-х годах XIX века. [70] Якутская еврейская молельня с хозяйственным правлением открылась с разрешения Департамента Духовных дел иностранных исповеданий в 1880 году. [71] С наибольшими препятствиями шли к своей легализации Баргузинская и Нерчинская общины: прошло более 30 лет, прежде чем сибирская администрация смирилась с фактом их существования.[72]

Самовольное открытие еврейских молитвенных домов в Сибири было достаточно распространенным явлением. Пользуясь недостаточной компетентностью властей на местах в этом вопросе и опасаясь длительного хождения по инстанциям за официальным разрешением, евреи шли окольным путем, вначале собираясь для молитв в каком-либо доме и постепенно ставя власти перед фактом. Следует отметить, что большинство сибирских евреев, не отличаясь особой набожностью, достаточно равнодушно относились к национальным обычаям и религиозным традициям, а сами молельни, на открытие которых было положено столько сил, большую часть времени пустовали. Но, концентрируясь вокруг повсеместно появлявшихся в Восточной Сибири молитвенных учреждений, евреи ощущали себя единым целым, неразрывным даже в инородной среде. Именно синагоге на первых порах выпала миссия объединителя еврейских масс, именно она сыграла главную, если не исключительную роль в сплочении евреев, сохранении их национального самосознания, в их победе, одержанной в нелегкой борьбе за право оставаться самими собой.

---

[69] ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.730. Л.81; ГАИО. Ф. 70. Оп. 2. Д. 1022. Л.8, 40.
[70] ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3. Д. 10. Л. 161-162; ГАЧО. Ф.1 (о). Оп. 1. Д 1678. Л.8, 21; Д.1063. Л.3, 23; Д. 754. Л.9.
[71] ГАИО. Ф.25. Оп. 2. К.24. Д.61. Л.52.
[72] ГАЧО. Ф.1(о). Оп. 1. Д. 3803. Л 14; ГАИО. Ф.29. Оп. 1. ДП. 3 Д.10. Л.56.

Во *втором параграфе* прослеживается процесс формирования институтов общинного самоуправления. Из-за недостатка носителей истинно еврейского духа, искушенных в тонкостях обрядов веры, традиции управления общиной зарождались одновременно с ее появлением и развитием. Министерство внутренних дел запретило управление сибирских молитвенных обществ духовными правлениями, потребовав заменить их хозяйственными. Однако еврейские общества Восточной Сибири с самого начала управлялись духовными правлениями. Первый состав духовного правления Красноярской и Читинской общин был избран в 1875 году, Иркутской - в 1877, Верхнеудинской – в 1882, Якутской – в 1885 году.[73] Пренебрежение министерскими распоряжениями, скорей всего, можно объяснить желанием устроить жизнь по знакомому образцу. Суть понятия «хозяйственное правление» была не известна ни властям, ни самому еврейскому обществу, тогда как функции духовного правления были растолкованы Уставом Духовных дел иностранных исповеданий. В зависимости от особенностей формирования общины определялся состав ее «законных членов». Если, к примеру, Енисейское губернское правление запретило ссыльным голосование на общинных собраниях, то Якутское областное правление разрешило ссыльным не только избирать, но и утверждаться в выборных должностях: якутское еврейское общество формировалось преимущественно из ссыльных, и подобное ограничение могло послужить непреодолимым препятствием к членству в обществе практически всем евреям.[74]

Становление институтов общинного самоуправления проходило в жестокой борьбе, длившейся с разными вариациями около двух десятилетий. Ее региональной особенностью было отсутствие характерных для черты оседлости идейных разногласий. В основе ее лежали более прозаические причины: власть в общине, возможность влияния на соплеменников и доступ к общинной кассе. В конфликтах просматривались либо разность групповых интересов, что характерно для общин с более выраженным социальным расслоением (Иркутской), либо межличностные отношения – удел общин победнее, члены которых занимали равное или почти равное положение в обществе (Красноярская, Якутская). Средства разрешения конфликтов варьировались от жалоб и доносов на единоверцев до прямого

---

[73] ГАКК. Ф.1616. Оп. 2. Д 730. Л 4; ГАИО. Ф.70. Оп. 2. Д.1022. Л. 3-4; НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп 1. Д 1049. Л.55; Кальмина Л.В., Курас Л.В. Указ. соч. С 107; Островский Ю. Указ. соч. С 30.

[74] ГАКК. Ф.1616. Оп. 2. Д.166 Л.19; НАРС(Я). Ф. 165-и. Оп. 1. Д. 1049. Л.72; Ф. 12-и. Оп. 1. Д 12676. Л 78.

насилия. Пик борьбы пришелся на «юношеский» период деятельности общин, когда благотворительных и просветительских организаций, которые могли бы сгладить остроту конфликтов, еще не было.

Внутриобщинная борьба в 70-80-е годы XIX века, за редким исключением, была почти непременным элементом становления общины как развивающегося организма, проявлением «болезни роста». Формы и методы достаточно жесткого противостояния диктовались положением и авторитетом общины в принимающем обществе, внутренней группировкой сил, ее социальной структурой, уровнем экономического развития. Прекращение ее к середине 90-х годов XIX века было обусловлено как внешними, так и внутренними факторами. При ужесточении антиеврейского законодательства и усилении гонений со стороны центральной и местной администрации, которыми отличалось это время, подобный стиль поведения мог попросту привести к разрушению общины. Снижению ее остроты также способствовали смена форм общинного самоуправления (с этого времени духовные правления, в которых нередко всеми делами заправлял староста единолично, почти повсеместно сменились хозяйственными с коллегиальной формой управления), укрепление экономического положения общин, рост национального самосознания и культурного уровня сибирских евреев, постепенно приобретенное умение встать над интересами узких групп общинников.

Объективно сплочению общин способствовало и введение института раввината в 80-90-е годы XIX века. Причинами его относительно позднего формирования можно считать неопределенность правового положения евреев в регионе и отсюда постоянные затруднения властей в вопросе, что им можно разрешить, а чего позволять не следует, и трудность в подборе кандидатуры раввина, который должен был обладать правом жительства в Сибири и иметь образовательный ценз, оговоренный Уставом Духовных дел иностранных исповеданий. Поскольку в Сибири вплоть до 90-х годов не было местных уроженцев даже с гимназическим образованием, поиск подходящей кандидатуры в ряде общин на многие годы превратился в неразрешимую проблему. Между тем, необходимость в институте раввината испытывали и сибирская администрация, нуждавшаяся в лице, ответственном за воспитание евреев в духе законопослушания и точном ведении метрических книг, и еврейские общины, поскольку обряды, совершенные не раввинами, считались недействительными, и выданные ими документы не учитывались ни при поступлении в учебное заведение, ни в суде при доказательстве прав наследства.

На рубеже XIX –XX веков в каждой более или менее крупной общине был раввин, но проблемы это не решило. Во-первых, при огромных сибирских расстояниях многие евреи, живущие в отдаленных от крупных городов местностях, так и не смогли воспользоваться его знаниями, а причисление их местностей к тому или иному раввинату носило формальный характер. Во-вторых, избранные на эти должности выпускники гимназий и университетов не могли привнести в общину истинно еврейское религиозное сознание и быть носителями еврейского духа. За исключением нескольких городов - Иркутска, Красноярска, – где раввинские обязанности годами исполняли подготовленные к своей миссии люди, институт раввината в Восточной Сибири был структурой рыхлой и неустойчивой: из-за частой смены в городах духовных лиц, нелегитимности их существования, а в ряде случаев - годами полного отсутствия. Но поскольку евреи-сибиряки, жившие в совершенно другом, построенном ими мире, обладали куда меньшей религиозностью, чем их собратья в черте оседлости, их требования к духовному наставнику были значительно снижены.

Третий параграф пятой главы посвящен анализу статей общинного бюджета. Источником изучения экономического состояния общин региона послужили сохранившиеся в архивах приходно-расходные книги. Доходы общин складывались из продажи мест в молитвенных домах в вечное и временное владение, взносов за заклание скота, добровольных пожертвований состоятельных общинников, сборов в помощь беднякам, «кружечного» сбора, процентов по банковским вкладам и ценным бумагам, платы за проведение обрядов. Самой большой статьей дохода была продажа мест в молитвенном доме, она намного перекрывала добровольные пожертвования. Такой сбор практиковался, когда предстояли большие траты, например, строительство молитвенного дома. В Иркутске на строительство новой синагоги взамен сгоревшей в короткое время удалось собрать 22 тысячи рублей. Ежегодные взносы «законных членов», то есть получающих таким образом право голоса на общинных собраниях, покрывали потребности общин в незначительной степени. Второй по объему статьей дохода были добровольные пожертвования, которые служат показателем не только состоятельности, но и определенной степени культуры, предполагающей регулярные взносы в пользу бедных. В отличие от платы за места, которая поступала раз в год, пожертвования вносились ежемесячно, составляя от двух процентов до почти трети всех доходов.

«Неровность», а часто и незначительность взносов объясняются следующим образом: во-первых, необходимо учитывать дифференциацию экономического состояния общинников и по этой причине небольшое чис-

ло - 7-10 процентов всех членов общины - постоянных жертвователей, на чьи деньги в основном и жила вся беднейшая масса общинников. Во-вторых, суммы поступлений были точным индикатором внутриобщинной обстановки. Борьба за власть, бесконтрольность в распоряжении денежными средствами, которыми отличался «старостинский» период жизни общин, вряд ли могли послужить стимулом к солидным денежным вливаниям. По мере затухания конфликтов, как правило, стабилизировалось и финансовое состояние общин.

Богатые общинники вносили крупные пожертвования в виде «вечного вклада» – неприкосновенного капитала, с которого общины получали проценты, или недвижимого имущества, с которого они также имели доход. Активизация экономической деятельности еврейского купечества с наступлением XX века, появление в городских обществах Восточной Сибири заметного слоя состоятельных людей из евреев дали возможность внесения в пользу общин весьма значительных сумм.

Расходные статьи общинного бюджета составляли ремонт и содержание молельных домов, плата раввинам, резникам, служителям молитвенных домов, расходы на религиозные праздники, содержание приютов, кладбищ, помощь неимущим. Содержание молитвенных домов поглощало 12-13 процентов всех расходов.[75] На оплату услуг раввина и резника уходили весьма значительные средства. Доходы Красноярского раввина достигали 6000 рублей в год, жалованье Иркутского раввина в 1913 году составляло 2400 рублей, а вся его канцелярия обходилась общине почти в 4,5 тысячи рублей. В станице Сретенской раввин получал 2200 рублей, что составляло 50 процентов расходов общины.[76] Постоянной статьей расхода была регулярная, целенаправленная помощь бедным. Большинство из них стягивались в города и входили в общину, движимые не столько духовными устремлениями, сколько надеясь на помощь своих более удачливых единоверцев. Состоятельные общинники охотно жертвовали в пользу бедных, руководствуясь не только долгом, но инстинктом самосохранения: из-за нищенствующих могли обратить внимание и на благополучных и подвергнуть проверке их право пребывания в городе. Поэтому «нищенствующей братии» среди евреев не было, их всегда подкарм-

---

[75] НАРБ. Ф.385. Оп. 1. Д.3. Л.2-3. Романов Н.С. Летопись города Иркутска за 1881-1901 гг. Иркутск, 1993. С.276.

[76] ГАКК. Ф.161. Оп. 2. Д.2267. Л.71, 208; Отчет хозяйственного правления Иркутского Еврейского молитвенного дома за 193 год. Иркутск, 1913. С.7-8; ГАЧО Ф.1(о). Оп. 1. Д.5288. Л.1.

ливала община. Но на безвозмездную помощь могли рассчитывать только больные, увечные и попавшие под выселение. Основной помощью бедным стало единовременное пособие для открытия собственного дела. Есть основания предполагать, что благотворительность была развита уже на заре общинной жизни, позже появились многочисленные благотворительные организации с коллегиальными формами управления и наличием ревизионных комиссий. С их появлением ушла в прошлое бесконтрольность в распределении средств.

Избавленные от распрей, создавшие солидную материальную базу, «обросшие» благотворительными учреждениями, еврейские общины вступили в новый этап своего развития. Оставаясь иудеями, они перестали смотреть на себя только как на религиозное сообщество. Центр тяжести национального воспитания постепенно смещается в еврейские просветительские учреждения.

Четвертый параграф последней главы посвящен вопросам еврейского национального просвещения. Желание дать детям истинно еврейское образование на стихийном уровне всегда было присуще сибирским евреям. Заслуга начального еврейского образования в Сибири принадлежит Талмуд-Торам – начальным бесплатным школам для бедных, которые были учреждениями скорее благотворительными, чем образовательными. На рубеже XIX-XX веков тяга к открытию национальных образовательных учреждений становится явной. И хотя к этому времени Министерство народного просвещения разрешило попечителям учебных округов повсеместное открытие частных учебных заведений всех типов для евреев,[77] на деле их открытие было связано с серьезными осложнениями: во-первых, нормальная работа училищ требовала немалых расходов, что не все общины могли себе позволить, а, во-вторых, в сибирских общинах не было подготовленных учителей. Острая необходимость общин в открытии национальных школ по времени совпала с изъятием Сибири из льгот для повсеместного жительства, и еврейская школа осталась почти без учителей.

Тем не менее, в ряде городов региона на рубеже веков открывались еврейские национальные учебные заведения. Самым значительным из них было Иркутское бесплатное училище, официально открывшееся в 1897 году, но фактически существовавшее к этому времени уже без малого два десятка лет. Начав работать на базе Талмуд-Торы, в старом, мало приспособленном для этого помещении, училище постепенно трансформировалось в современное учебное заведение с «вечными вкладами», превышав-

---

[77] ГАКК Ф.595. Оп. 3. Д.2771. Л 7.

шими 30 тысяч рублей, солидной недвижимостью и ремесленными классами, дававшими возможность получения профессии. В 1913 году община тратила на содержание училища до трети своего бюджета, жалованье учителей выросло за полтора десятилетия в шесть раз, а книжный фонд библиотеки составлял 1300 томов.[78]

Попытки учреждения еврейских учебных заведений зафиксированы практически в каждом более или менее крупном городе с компактным проживанием еврейского населения, а конец первого - начало второго десятилетия XX века отмечены их массовым открытием. В 1904 году начало работу Красноярское еврейское училище, через год добившееся статуса общественного, в 1908 году открылся образцовый хедер в Верхнеудинске, а в 1912 году – еврейское училище в Чите. [79] За счет пожертвований еврейского купечества было открыто еврейско-русское училище и в Баргузине. Проблему поиска учителей для этих школ общины решали двумя способами: добивались разрешения властей на их приглашение из черты оседлости (приезжие учителя преподавали, к примеру, в Красноярском, Верхнеудинском училищах) или оплачивали подготовку учителей из местных уроженцев (Иркутск, Баргузин).[80]

Показательно, что сибирские евреи, оторванные от национальных корней, не утратили тягу к национальному. Напротив, она постоянно усиливалась. К открытию национальных школ шли с не меньшим упорством, чем в свое время к открытию молитвенных домов. О развитии их сети говорит такой факт: когда в 1916 году о проведении совещания по еврейским школам в Сибири решили известить города, которые наверняка изъявят желание принять в нем участие, в список попали Омск, Томск, Красноярск, Мариинск, Канск, Каинск, Верхнеудинск, Чита, Баргузин.[81]

Основное требование, которое предъявляла община к своим школам, – придать им национальный характер, знакомить учащихся с национальным языком и сущностью иудаизма. Это требование было продиктовано чувством национального самосохранения: поступающие в еврейские

---

[78] Отчет Иркутского еврейского бесплатного училища и ремесленного при нем отделения 1897-1913 г. Иркутск, 1914; Войтинский В., Горнштейн А. Указ. соч. С. 338.

[79] ГАКК. Ф. 595. Оп. 3. Д. 2771. Л.4; Д.27. Л.13; Адрес-календарь Забайкальской области на 1908 год. Чита, 1908. С.62; Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века – 1917 г.) Улан-Удэ, 2002. 67.

[80] ГАКК. Ф.595. Оп. 3. Д. 2771. Л.10; ГАЧО. Ф.4. Оп. 1. Д.199. Л.22. Отчет хозяйственного правления... С.3; Кальмина Л.В , Курас Л.В. Указ. соч. С.120-121.

[81] ГАИО. Ф.417. Оп. 1. Д.7. Л.81.

училища дети совершенно не владели языком своего народа, и обучать ему приходилось как иностранному.

Просветительская деятельность в общинах не ограничивалась школьными уроками. Активно действовали отделения Общества распространения просвещения между евреями в России, при молельных домах открывались библиотеки, хотя это встречало сопротивление властей, в каждом мероприятии с национальной окраской видевших «тень сионизма». Последние предреволюционные годы характеризуются всплеском еврейской культурной жизни, в Сибири появляются национальные культурно-просветительские организации – отголосок расцвета культурной жизни российского еврейства. Борьба за национальное самосохранение евреев в Сибири приобретает иные формы, прежде всего, - национально-культурного воспитания детей. Община постепенно становится стержнем культурно-национального развития.

В заключении подводятся итоги проведенного исследования. Отмечается, что еврейские общины как динамично развивающиеся социальные и духовные организмы в Восточной Сибири сложились в середине XIX века, когда налицо были все признаки их существования: устойчивые стабильные этнические общности в ряде городов и селений и потребность национального самосохранения, объединяющая заброшенных волею судьбы в чужой край людей по вероисповедному признаку.

Пути формирования еврейских общин Восточной Сибири определялись особенностями «еврейского» законодательства, согласно которому въезд в Сибирь евреев, кроме ссыльных, был практически полностью запрещен. «Льготные» категории евреев, получившие право на повсеместное жительство в Российской империи, за исключением военнослужащих, повлияли на формирование сибирского еврейского общества в незначительной степени: они предпочитали осесть в экономически развитых районах.

Составляя предмет особой законодательной регламентации в силу своего статуса, Сибирь породила и особые ограничительные правила для оказавшихся здесь евреев, стержневым из которых стало ограничение права передвижения в регионе. Находясь вне черты постоянной еврейской оседлости, Сибирь породила собственную «черту» с границами даже более жесткими, чем в западных губерниях, когда каждый еврей фактически был прикреплен к населенному пункту, позже к волости, уезду, к которому был приписан. На взгляд автора, столь строгое отслеживание перемещения каждого еврея в Сибири обусловливалось стремлением держать их под неусыпным контролем, что в обширном регионе, населенном «ссыльным элементом», при ограниченном контингенте органов полицейского сыска

было затруднительным. На исполнительскую дисциплину в соблюдении «еврейского» законодательства в значительной степени повлияли собственные представления центральной и местной властей о путях решения «еврейского вопроса», а также неясность и противоречивость законов, допускавших двоякое их толкование на местах.

Несмотря на жесткую регламентацию приезда евреев в Сибирь, проведенные исследования показали их стабильный численный рост в регионе: за несколько десятилетий еврейское население в разных областях изучаемого региона выросло в 7-9 раз. Продолжающаяся ссылка, а также приезд вместе с ссыльными членов их семей, численно превышающих число собственно ссыльных, оставались главным источником пополнения сибирского еврейского общества на протяжении всего рассматриваемого периода. Еврейское общество росло и за счет естественного прироста: еврейские семьи были, как правило, многодетными и численно значительно превышали, к примеру, семьи православные.

Расселенные вначале в сельской местности, лишенные необходимых в деревне профессиональных навыков, евреи стремились вернуться в привычную для них городскую обстановку. Их концентрация в густонаселенных пунктах заметна уже в 80-е годы XIX века. Сибирская администрация, вначале препятствовавшая сосредоточению в городах ссыльного элемента, впоследствии снисходительно относилась к самовольному расселению евреев в городах: оказавшиеся в привычной среде, те быстро адаптировались, находили себе заработок и начинали приносить деньги в казну.

Исследование показало, что экономическая деятельность еврейских общин региона была обусловлена двумя факторами: сложившейся структурой экономики и существующим законодательством, ограничивающим евреям доступ в ряд сфер деятельности. Структура «еврейской» экономики Сибири в значительной степени отличалась от таковой в черте оседлости. В частности, Сибирь дала высокий процент евреев-земледельцев, что было обусловлено наличием свободных земель в регионе. Однако необходимость развития торговых связей в колонизуемом регионе, свободный доступ евреев в эту область экономики плюс опыт, накопленный ими в этой сфере деятельности, обусловили успех в ней в первую очередь. Востребованные Сибирью в этом качестве евреи оказались вне конкуренции как носители новых капиталистических отношений. Высокая степень их адаптивности, стремление утвердиться в Сибири и поднять свой статус, помноженные на традиционные черты еврейского предпринимательства – стремительность, проникающую силу, умение риско-

вать и готовность довольствоваться малым, способствовали их прочному утверждению в сибирской экономике даже в условиях суровых правовых ограничений. За полвека с начала формирования еврейских общин в регионе масштабы их экономической деятельности выросли с мелкой торговли до создания крупных торгово-промышленных предприятий, известных далеко за его пределами.

Экономическая состоятельность, относительно высокий уровень образования, стремление повысить свою значимость в общественном мнении и завоевать хорошую репутацию в обществе, по мнению автора, сформировали поведенческий стереотип еврейских общин, отличный от такового в черте оседлости. Еврейское общество стало органической частью сибирского. Участие в общественной жизни было тоже своего рода борьбой за авторитет, повышало их статус, «растворяло» в обществе, не давая замечать «чужеродности».

Экономической состоятельности, общественной активности, завоеванию положения в обществе объективно способствовало и отсутствие в Сибири почвы для антисемитизма, что объясняется рядом социально-экономических, политических, демографических факторов, сформировавших у сибирского населения иной менталитет и иное отношение к иноверцам. В Сибири, население которой состояло из пришлых разных национальностей, образ «чужака» был менее конкретным и более размытым, чем в регионах со стабильным населением. Евреи, органически вписавшиеся в сибирский быт, не вызывали отторжения. К тому же отсутствие конкуренции, характерной для уже освоенных районов, и равные стартовые возможности для вчерашних ссыльных не давали повода для обвинения тех или иных иноверческих и инонациональных групп в «эксплуатации». Перечисленные объективные и субъективные факторы, на взгляд исследователя, в значительной степени были обусловлены геополитическими особенностями региона. Будучи своеобразным рубежом между западной (русской) и восточной (азиатской) культурами, Восточная Сибирь была примером спокойного восприятия православием других религий.

Дорожа завоеванным положением, сибирские общины с большой степенью равнодушия относились к проносившимся рядом политическим бурям. Из всех политических течений более или менее прочно в общинах устоялся лишь сионизм: сибирские евреи, сформировавшиеся в иной общественной и социально-культурной среде, нежели их западные единоверцы, были далеки от идей социализма. К тому же, несмотря на достигнутые успехи, они оставались национально угнетенными и постоянно ощущали свою правовую уязвимость. Сионизм обещал им перспективу не как классу

или социальному слою, а как народу и потому был «обречен» на успех. Однако и этим политическим течением оказался затронут лишь верхний слой еврейского общества.

Проведенное исследование обнаруживает в духовной жизни общин Восточной Сибири две противоречивые тенденции. С одной стороны, жизнь народа, рассеянного в «многоликой» Сибири вдали от основной массы единоверцев в целях самосохранения предполагает способность к быстрой адаптации и восприимчивости чужой культуры, в первую очередь, языковой. С другой – тот же инстинкт самосохранения себя как этноса, носителя определенных национальных и культурных традиций, заставляет искать опору в культурных ценностях своего народа. Пластичность и адаптивность, вызванная особенностями жизни национального и конфессионального меньшинства в чужеродном окружении, и неистребимое стремление сохранить в этих условиях свое национальное «я» породили особый тип «сибирского еврея»: сибиряк по образу жизни, менталитету, одежде и говору, он оставался евреем по самосознанию и мироощущению. Отдаленность от единоверцев Европейской России и невозможность вследствие ограничительных законов получать от них культурное «подкрепление» способствовали его внешней ассимиляции. Генетическая память и желание даже в регионе интенсивных ассимиляционных процессов сохранить национальный стержень, позволяющий любому народу считать себя таковым, помогли его внутренней органичности. Обладая куда меньшей религиозностью, чем их собратья в черте оседлости, евреи все же стремились в общину как центр национального самосохранения. Не избежав мучительных противоречий, ослаблявших еврейское общество, они сумели прийти к единению, позволившему утвердиться в чужом мире. Не владея азами еврейской культуры, они желали дать детям еврейское воспитание и образование.

Символом объединения, стержнем сохранения национальной идентичности вначале была синагога. В борьбе за право соблюдать обряды, предписанные иудаизмом, проходило становление и мужание еврейских общин. Иудаизму как идеологии и мировоззрению принадлежит решающая роль в сплочении сибирских евреев, что в значительной мере помогло им занять достойное место в обществе, несмотря на ограничительное законодательство и самовластье администрации. Но постепенно духовный мир общин отходит от религиозной традиции. Идеи иудаизма, сплотившие евреев, отступают на второй план, уступая место национальному просвещению и национальной светской культуре.

Проведенное исследование подтвердило предположение историков о том, что еврейский народ и в диаспоре может существовать как самобытная нация. История еврейских общин Восточной Сибири в изучаемый нами период – пример полноценной национальной жизни народа вдали от основной массы единоверцев. Несмотря на сибирское «еврейское» законодательство, препятствовавшее хозяйственной деятельности, общественной активности и национальной жизни, еврейские общины региона за короткое время прошли путь становления, развития и расцвета, оставив заметный след в экономике, общественной и культурной жизни края.

Настоящую диссертацию не следует рассматривать как исчерпывающее исследование заявленной темы. На наш взгляд, необходим сравнительный анализ закономерностей развития общинной жизни с таковыми в других регионах, в частности, западносибирским регионом и внутренними губерниями, которые по правовому положению евреев были достаточно близки к Сибири. Дальнейшего изучения потребуют социально-экономические процессы, происходившие в общинах на заре их становления. Обнаружение новых источников по данным вопросам не только углубит историю еврейских общин, но и, несомненно, привнесет новые детали в историю изучаемого региона.

Приложение представляет собой ряд таблиц, наглядно демонстрирующих принципы расселения евреев в регионе, профессиональную структуру еврейских обществ, тенденции экономического развития и образовательного уровня общин.

Список основных опубликованных работ по теме диссертации

1. Кальмина Л.В. Метрические книги Верхнеудинской религиозной общины как статистический источник. // Сибирь. Евреи. Россия. Иркутск, 1998. (0,5 п.л.)

2. Кальмина Л.В. Еврейская община в Западном Забайкалье (60-е годы XIX века – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 1999. (10 п.л.) (В соавторстве. В том числе Кальмина Л.В. – 7 п.л., Курас Л.В. – 3 п.л.).

3. Кальмина Л. Евреи в Западном Забайкалье: поиск экономических ниш (вторая половина XIX – начало XX в.) // Диаспоры. Независимый научный журнал. М., 1999. №1. (1 п.л.)

4. Кальмина Л. Еврейские общины Западного Забайкалья (вторая половина XIX в. – февраль 1917 г.) // Очерки истории еврейских общин

Сибири и Дальнего Востока (XIX – начало XX вв.). Сб. статей. Красноярск, 2001. (1 п.л.) (В соавторстве. В том числе Л.В. Кальмина 0,7 п.л., Курас Л.В. 0,3 п.л.).

5. Кальмина Л.В. Евреи в Сибири и на Дальнем Востоке. Библиографический указатель отечественной литературы. Красноярск, 2001. (3,1 п.л.) (В соавторстве. В том числе Л.В. Кальмина 1 п.л., Курас Л.В. 2,1. п.л.).

6. Кальмина Л.В. Еврейская семья Восточной Сибири (середина XIX – начало XX в.): опыт историко-демографической характеристики (по материалам метрических книг еврейских общин). // Семья в ракурсе социального знания. Барнаул, 2001. (1 п.л.)

7. Кальмина Л.В. Былое богатство баргузинских евреев. //Сокровища культуры Бурятии. Спец. выпуск-приложение к журналу Министерства культуры Российской Федерации «Наследие народов Российской Федерации». М., 2002. №1. (0, 25 п.л.).

8. Бабушкин, Баргузин, Горячинск. // Российская еврейская энциклопедия. Т.IY. М., 2000. (0,1 п.л.).

9. Кальмина Л.В. Еврейское купечество Восточной Сибири (60-е годы XIX века – 1917 г.). Улан-Удэ, 2002. (5 п.л.)

10. Кальмина Л. Евреи Восточной Сибири: «духовная территория» (середина XIX века – 1917 год). Красноярск, 2002. (8,6 п.л.)

11. Кальмина Л.В. Сионистское движение в Забайкалье до 1917 года. // Сибирь. XX век. Вып. 4. Кемерово, 2002. (0,5 п.л.)

12. Кальмина Л. Закон 12 июня 1860 года и его последствия для евреев Восточной Сибири. // Материалы Девятой Ежегодной Международной Междисциплинарной конференции по иудаике. Часть 1. М., 2002. (0,3 п.л.)

13. Кальмина Л. «Блюститель и толкователь еврейского закона». // Страницы истории евреев Сибири в XIX - XX веках. Сборник статей. Красноярск, 2003. (0,75 п.л.)

14. Кальмина Л. В. О правовом положении евреев Сибири (конец XIX – начало XX вв.) // Исторический архив. 2003. №1. (1 п.л.)

15. Кальмина Л.В. Сибирский золотопромышленник и меценат Яков Фризер. // Вопросы истории. 2003. №3. (0,5 п.л.)

16. Кальмина Л.В. Документы сибирских архивов о положении евреев в станице Сретенской Забайкальской области. // Отечественные архивы. 2003. №4. (1 п. л.)

17. Кальмина Л.В. Еврейские общины Восточной Сибири (середина XIX в. – февраль 1917 года). Улан-Удэ, 2003. (26,5 п.л.)

18. Kalmina L. A History of Exiles: The Jews of Buryatia. // East European Jewish Affairs. Vol. 31. London, 2001. №1. (1 п.л.) (В соавторстве. В том числе Кальмина Л.В. – 0,7 п.л., Курас Л.В. – 0,3 п.л.).

Всего по теме диссертации опубликованы 23 работы общим объемом 57 п.л.

Лицензия ИД №04488 от 12.04.2001.

Подписано в печать 14.10.2003. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 2,5. Уч.-изд. л. 2,52. Тираж 100. Заказ №482. Цена договорная.
Отпечатано в ИПК ВСГАКИ, 670031, г.Улан-Удэ, ул.Терешковой, 1.